

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

МАТЕРИАЛЫ
XXXX
МЕЖДУНАРОДНОЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

СЕКЦИЯ
ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

14–19 марта 2011 г.

Санкт-Петербург

Филологический факультет

Санкт-Петербургского государственного университета

2011

БК 81.2

М34

Ответственный редактор

Н. А. Слепокурова

М34 Материалы XXXX Международной филологической конференции 14-19 марта 2011г. Общее языкознание / Отв. редактор Н. А. Слепокурова. - СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. - 57 с.

ББК 81.2

© Коллектив авторов, 2011

© Филологический факультет СПбГУ, 2011

О.П. Алексеева
(Волгодонский институт сервиса)

ПОЛИСЕМИЯ ГЛАГОЛА КАК МЕХАНИЗМ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ В КОНТЕКСТЕ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА

В последнее время особую актуальность приобретают лингвистические исследования, затрагивающие когнитивные процессы и модели пространственного восприятия. Когнитивный подход, определяя меру взаимовлияния человеческой деятельности и языка, находится в стадии продолжающегося теоретического осмысления и обладает крайней степенью притягательности для современного исследователя-лингвиста. Как справедливо замечает Е.С. Кубрякова, данные о языке могут и должны использоваться для освещения более широкого круга проблем, которые касаются как природы человеческого разума и интеллекта, так и его поведения, проявляющегося во всех процессах взаимодействия человека с окружающим его миром и другими людьми (Кубрякова 2004: 9). Мы же, со своей стороны, можем только добавить, что речь здесь идет о взаимосвязанных и взаимообратимых процессах: исследователи, занимающиеся лингвистическим анализом, не могут не опираться на данные работ, посвященных природе мыслительного процесса.

Так, с одной стороны, отмечается, что с когнитивной точки зрения существенная характеристика восприятия пространственных параметров окружающего мира состоит в том, что в пространстве имеются рецептивно вычленяемые физические ориентиры и границы. Процесс же установления пространственных границ в языке обладает разной степенью эксплицитности. Чем выше необходимость в конкретизации пространственного расположения, чем больше когнитивно выделяемых дискретных участков имеет данное пространство, тем более эксплицитным будет языковое выражение (Диалектика текста 2003: 58, 67). С другой стороны, если мы не ведем речь о конкретном пространстве и локусе, доступном нашему зрительному аппарату «здесь и сейчас», конструирование пространства происходит с помощью абстрагирования.

Отправной точкой нашего исследования послужило предположение о том, что одним из механизмов пространственного восприятия являются полисемантические характеристики глагола. Полисемантизм понимается нами в самом широком смысле – как многозначность, наличие абстрактной семантики, служащей основой способности порождать контекстные, индивидуально когнитивные вариации. Подобная вариативность, отражая разные элементы реальности, может мыслиться как мнимая полисемия, но это не является принципиально значимым для данной работы.

Предикаты со значением положения и перемещения в пространстве в сопровождении предлогов или без них, такие, например, как *to sit, to walk, to walk towards, to come from, to return to, to move* и т.д., способствуют формированию разнообразных пространственных параметров. Предметом данного исследования служили глаголы с общим значением движения в пространстве, используемые для осуществления фиктивного, ментального перемещения без изменения положения предмета.

Цель анализа – попытка выделить особенности способа конструирования особого виртуального пространства с использованием фиктивного ментального движения. Поскольку язык современных средств массовой информации является маркером основных тенденций развития языка, материалом для анализа послужили англоязычные периодические издания последних лет: *The Financial Times, The Independent, The Wall Street Journal Europe, The New York Post, The USA Today, The Jersey Journal* и др.

Мысленная симуляция, передаваемая различными языковыми средствами – от широко изученной метафоры до полисемии, репрезентирующей значения абстрактной деятельности, вовлечена не только в процесс пространственного восприятия, она охватывает широкий пласт явлений. Многочисленные исследования последних лет

(Barsalou, Glenberg, Kaschak, Schartz, Spivey, Geng, Altmann etc.) подтверждают гипотезу о том, что человек во время речевого акта симулирует ситуации.

Особую ценность представляют исследования, посвященные изучению движения глаз в отсутствие каких-либо зрительных образов, но с речевым сопровождением (так называемая “blank screen paradigm” (Spivey, Geng 2001)): в ходе экспериментов испытуемым, взгляд которых был сосредоточен на пустом экране, предлагалось прослушать текст. Воспроизводимая история не содержала информации исключительно о перемещении как таковом, но в описании сцен, отсылала, например, к верхнему или нижнему этажам многоэтажного здания. Обычно в такие моменты взгляд участников эксперимента перемещался на нижнюю или верхнюю части экрана соответственно.

Ещё одним показателем зависимости мысленной симуляции от фигуративности языка может служить эксперимент Т. Мэтлок (Matlock 2004). Испытуемым предлагалось читать предложения, не связанные с фактическим движением, совершая одновременно мысленное перемещение в воображаемом пространстве. Оказалось, что это перемещение занимает разное количество времени в зависимости от длительности путешествия, длины маршрута и даже от качества пересекаемой поверхности, что отражается на параметрах процесса чтения. Так, меньшее количество времени требуется для прочтения текста, предусматривающего фиктивное движение и повествующего о поверхности, которую можно пересечь без особых лишних усилий, такой, как гладкая пустынная поверхность или ровная долина. Если же в тексте фигурирует, например, скалистая пустыня или поверхность, изрезанная оврагами и балками, то испытуемым требуется больший временной отрезок на его усвоение.

Проведенные эксперименты не дают исчерпывающего представления о механизмах фиктивного движения и порождают новые вопросы, например: в какой конкретный момент «запускается» подобная симуляция, при каких условиях она замедляется, какова корреляция между временем и местом, насколько важны темпоральные характеристики и т.д.

В изданной в 2007 г. работе «Когнитивная английская грамматика» Г. Радден и Р. Дирвен, рассматривая грамматику как продукт человеческого мышления и описывая механизмы речевой деятельности, касаются процессов ментального (мысленного) сканирования (mental scanning) (Radden, Dirven 2007). Согласно этим авторам, при восприятии любого высказывания, происходит ментальное сканирование ситуации. Выделяют две модели подобного сканирования: последовательное сканирование (sequential scanning) и обзорное сканирование (summary scanning). Р. Лангакер приводит следующее определение процесса сканирования – это серия виртуальных шагов в окружающей среде, в которой каждый шаг ведет от одного локуса к следующему (Grounding cognition 2005: 177).

Таким образом, предполагается, что семантика языка позволяет осуществлять «ментальное сканирование» – некое кратковременное фиктивное движение виртуального тела в воображаемой среде, которое придает пространственному восприятию особый виртуальный характер. Например, предложение (a) *The balloon rose quickly* подразумевает реальное движение предмета, при котором объект физически меняет своё положение в пространстве, тогда как предложение (b) *This path rises quickly near the top of the mountain* фактически может быть понято лишь с помощью описанного «сканирования» – виртуализации, при которой мы мысленно представляем воображаемый подъём тропинки. Следует отметить при этом, что если установление пространственных границ в зависимости от использования указаний на конкретный локус, наличия дейктических наречий *there/here* и др., имеет соответствующую степень эксплицитности, то движение описанного рода принципиально имплицитно.

Так же как и физическое, фиктивное перемещение обладает направленностью движения. В примере (b) мы мысленно следуем по направлению к вершине горы, совершая ментальное сканирование при помощи внутреннего зрения, при этом путь

движения либо его ориентиры переносятся на реальный топос. Таким образом, глаголы движения и перемещения в пространстве, репрезентируя статическую пространственную сцену, могут инициировать мысленную симуляцию, при которой семантика этих предикатов вновь обретет присущую ей прототипически динамику. В моделировании пространственного восприятия глаголы движения играют важную роль независимо от того, статическим или динамическим статусом они обладают.

В зависимости от расположения наблюдателя относительно ориентира движение может рассматриваться с точки зрения признаков контактности/дистантности и конечного/промежуточного положения пунктов.

Конструкции, выражающие фиктивное движение, обычно содержат следующие структурные элементы: подлежащее-объект (в терминологии когнитивной лингвистики *trajectory*), глагол движения и один или несколько параметров (ориентир, исходная точка движения, конечный пункт и т.д.). В настоящее время вопрос о типологии подобных конструкций не решен однозначно. Т. Мэтлок предложила классификацию, основанную на метонимической ассоциативной связи подлежащего-объекта с движением и на возможности использования глагола движения, подразумевающего способ действия (*to crawl, to descend*), выделив при этом два типа: *The highway crawls through the city* (1 FM) и *The table goes from this wall to that wall* (2FM) (Matlock 2004: 16).

Согласно другой точке зрения, подобное деление не всегда релевантно и эффективно; более уместно различать конструкции фиктивного движения по содержащимся в них компонентам. К первому типу относятся конструкции, имеющие подлежащее (*trajectory*) + глагол движения + один параметр (ориентир): *A trail goes through the desert*. Второй тип включает подлежащее (*trajectory*) + глагол движения + два или более параметра (ориентир, исходная точка движения и др.): *The fence zigzags from the plateau to the valley along the property line* (Jimenez 2007: 568).

Проведенный анализ дает основания с уверенностью говорить, что в медийном дискурсе фиктивному сканированию подвергается большая группа частотно употребляемых глаголов движения, таких, как *to go, to lead, to pass, to run* и т.д., которые используются с неодушевленными существительными. Например:

(a) *One path leads to chaos and urban gridlock.*

(b) *An uphill path leads to Rockingham, the house where George Washington had a lengthy wait for word that the war was officially over.*

(c) *A paved road goes up and over Greylock.*

(d) *My office overlooks the Stennis Airport runway and the flight path goes over my house.*

Такой параметр, как ориентир движения (конечный пункт), имеет особое значение. Если это, например, абстрактное место, как в примере (a), предложение приобретает риторический, поэтический компонент.

В примерах (b), (c) фиктивное движение может раскрываться в двух разных плоскостях – актуально-действительной и виртуальной. Если бы мы, например, будучи на экскурсии обозревали описываемый объект, слушая подобный комментарий экскурсовода, то можно полагать, что при этом был бы использован эффект присутствия в определенном топосе, при котором не создается и не конституируется новое пространство. В нашем же случае читатель газеты совершает фиктивное движение в сконструированном им самим виртуальном пространстве, несмотря на то что ориентиром-пунктом назначения является конкретный географический объект. В примере (d) глагол *goes* не подразумевает физического движения объекта, выраженного именем существительным, это также не наблюдаемое, а мыслимое пространство, процесс моделирования которого индивидуален. Каждый читатель-реципиент осваивает подобное пространство (в данном случае пространство, актуализируемое сочетанием *flight path*) по-своему, основываясь на предыдущем опыте – фонде знаний, рассматриваемом как его индивидуальная когнитивная база.

Проведенный анализ указывает на то, что семантика глаголов движения концентрируется главным образом в области, описывающей актуальное состояние движения. Большая часть (приблизительно 76 %) – это глаголы, обозначающие реальное физическое движение, воспринимаемое без мысленной симуляции. Оставшиеся предикаты (24 %) репрезентируют нефизическое движение, принадлежащее к виртуальной области нахождения в пространстве. Последнюю группу можно разделить на три подгруппы.

К первой, наиболее многочисленной подгруппе целесообразно отнести предложения с глаголами движения в «статике» и неодушевленными существительными, в этом случае чаще всего указывается на местонахождение (... *the flight path goes over my house*), направление (*A z-shaped path runs from the city to the waterfront and wraps itself over a busy road and a railway track*) и способ действия (*No path runs purely parallel to the bordering streets*).

В сочетаниях второй подгруппы имя существительное – одушевленное, а движение метафорично, например: “*Shelly rises to the top, almost by default,*” says Nelson Denis. Конструируемое пространство абстрактно и существует лишь в воображении. Семантика такой конструкции чаще всего указывает на направление (горизонтальное/вертикальное) или протяженность действия.

К третьей подгруппе можно отнести метафорические конструкции с неодушевленными существительными: *Once again the trail leads back to Pakistan*. Здесь мы имеем дело с английскими полисемантическими глаголами с первичным значением активного движения, разновидностью вторичной лексической номинации которых выступает метафора.

Нам кажется уместным продолжить данное исследование определением коммуникативной значимости предложений, подразумевающих фиктивное сканирование. Например, предложение *A woman who rises to the top by playing the men's game* обладает явно выраженной прагматикой. Под конституирующим пространством, охваченным выражением “*to the top*”, в целом можно понимать среду, принадлежащую людям, добившимся определенного успеха в жизни, карьере, среду с подчеркнутой маскулинностью. Здесь мы наблюдаем восхищение и удивление персонажем, а само действие характеризуется уникальностью, разовостью.

С точки зрения прагматики интересны также предложения с сочетаниями “*the trail leads*”, придающими высказыванию социально негативный оттенок. Направление или конечный пункт (конкретный или абстрактный) обладают чаще всего отрицательной семантикой. Например, в статье, повествующей об известном предполагаемом исполнителе преступления, указывается на связь последнего с «высшими кругами» власти, в языковой форме эта область описывается прилагательным “*higher*”: *I am convinced that the trail leads higher and the whole attitude of the Russian government is proof of that*. В уже приводимом ранее предложении *Once again the trail leads back to Pakistan* читателя отсылают к стране, несколько негативно воспринимаемой в западном менталитете.

По пути исследования коммуникативной значимости пошел И.Ю. Колесов. Вслед за Л. Талми он считает, что в рамках фиктивного сканирования эффективно изучение концептуализации таких параметров, как Путь, Преграда, Основа, Ориентир движения и т.п. Исследователь приходит к выводу, что коммуникативная значимость предложений данного типа заключается в отстраненности говорящего субъекта – в первую очередь, его сознания – от изображаемых сцен (Колесов 2009:73).

Предложения с фиктивным движением строятся в параметрах репродуктивного регистра текста, однако, в отличие от сообщения о раскрывающихся взору событиях, в сообщениях, выражающих фиктивное движение, актуализируется **дефокусирование**: если в репродуктивном регистре наблюдатель имплицитно определяется посредством того, что содержание его поля зрения представлено как бы в фокусе, то при языковой презентации

фиктивного движения поле зрения находится в движении, а фокус восприятия отсутствует. В коммуникативном плане такие предложения представляют собой примеры образных синтаксических построений, в которых статическая сцена представлена динамически за счет актуализации «внутренней» динамики сознания наблюдателя, переносящего динамизм на знаковое отображение воспринимаемого сюжета.

Функция высказываний с предикатами указанных типов в коммуникативном плане состоит в осмыслении семантического контекста как имплицитующего восприятие некоторого «положения дел» наблюдателем, от лица которого строится высказывание (Там же).

Итак, очевидно, что полисемия глагола как один из конструктов ментальных пространств заслуживает пристального внимания исследователей, изучающих фиктивное движение и ментальное сканирование. Пространственное восприятие зависит не только от умения рецептивно вычленять физические ориентиры и границы, но и от знаний о возможных трансформациях объекта.

Проведенное нами исследование не претендует на фундаментальность и законченность. Думается, что дальнейший анализ позволит получить более конкретное представление о механизмах пространственного восприятия и послужит основанием для определения роли полисемантизма, позволяющего, в частности, совершать в ментальном пространстве фиктивные движения, тем самым выстраивая особую виртуальную среду.

Литература

- Диалектика текста*: в 2 т. Т. 2 / А.В. Зеленщиков, О.В. Емельянова, Л.П. Чахоян и др. СПб., 2003.
- Колесов И.Ю.* О роли когнитивных моделей в восприятии пространства в коммуникативной организации высказывания и текста / Университетская филология – образованию: регулятивная природа коммуникации: Материалы Второй международной научно-практической конференции «Коммуникативистика в современном мире: регулятивная природа коммуникации» (Барнаул, 14-18 апреля 2009 г.). Часть 1. Барнаул, 2009. С. 69-72.
- Кубрякова Е.С.* Мир и проблемы его описания в языке // *Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира.* М., 2004. С. 9-10.
- Grounding cognition: the role of perception and action in memory, language, and thinking* / Edited by Diane Pecher and Rolf A. Zwaan. Cambridge University Press, 2005. P. 164-198.
- Jimenez M-L. N.* Towards a typology of fictive motion events: Review of existing proposals and presentation of new perspectives // *Jimenez Martinez-Losa Noelia / Interlinguística*, № 17, 2007. P. 562-569.
- Langacker R.W.* Dynamicity, fictivity, and scanning: The imaginative basis of logic and linguistic meaning // *Korean Linguistics Today and Tomorrow: Proceedings of the 2002 Intern. Conf. on Korean Linguistics.* Seoul, 2002.
- Matlock T.* Fictive motion as cognitive simulation / *Memory and Cognition*, 32 (8). 2004.
- Radden G., Dirven R.* Cognitive English Grammar / Günter Radden, René Dirven John (Cognitive linguistics in practice № 2). Benjamins Publishing Company, 2007. P. 4-64.
- Spivey M.J., Geng J.J.* Oculomotor mechanisms activated by imagery and memory: Eye movements to absent objects / *Psychological Research/Psychologische Forschung*, 65, 2001. P. 235-241.
- Talmy L.* The windowing of attention in language // *Shibatani M., Tompson S.A. Grammatical constructions. Their form and meaning.* Oxford, 1996.
- Talmy L.* Toward a Cognitive Semantics. Vls.1-2. Cambridge, 2000.

Н.М. Бичурин

(Санкт-Петербургский государственный университет)

ОКСИТАНСКИЙ И АРПИТАНСКИЙ ИЛИ ПРОВАНСАЛЬСКИЙ И САВОЙСКИЙ? АНАЛИЗ ДИСКУРСА О РОМАНСКИХ «РЕГИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКАХ»

Настоящая статья посвящена анализу современного дискурса об определении языка и диалекта применительно к «региональным языкам» во Франции. Сегодня на фоне общего интереса к миноритарным и исчезающим языкам наблюдается значительное «увеличение» числа романских языков: все новые идиомы добиваются официального

признания в качестве самостоятельных языков. В частности, заметные изменения статуса идиомов происходят во Франции. В июле 2008 г. Франция, известная как страна с жесткой моноязычной политикой, где начиная с Эдикта Вилье-Котре 1539 г. и в соответствии со ст. 2 Конституции единственным официальным языком был французский, вносит поправку в Конституцию: «Региональные языки принадлежат культурному достоянию Франции» (Конституция Французской республики, ст. 75-1). На государственном уровне готовится проект закона о региональных языках. В июле 2009 г. один из регионов, Рона-Альпы, официально признает два идиома – «окситанский» и «франкопровансальский» – своими «региональными языками» (Rapport n° 09.11.450 Culture), что означает, что указанные идиомы юридически признаются самостоятельными языками. В настоящий момент на региональном уровне разрабатываются меры поддержки этих идиомов.

Известно, что для разграничения язык–диалект не существует однозначных лингвистических критериев (Haugen 1966). В этой статье мы рассмотрим основные группы аргументов, которые используются для доказательства того, что тот или иной идиом является самостоятельным языком, в дискурсе представителей двух основных групп участников процесса повышения статуса романских идиомов: лингвистов и активистов движений за признание того или иного идиома. Их дискурс сравнивается с дискурсом «наивных носителей». Материалом исследования послужили интервью и наблюдения, проведенные во Франции в 2009 и 2011 гг. в регионе Рона-Альпы и в зонах распространения окситанского и франкопровансальского идиомов за пределами данного региона, а также научные публикации и правовые документы.

1. **Имя**

Так называемые «наивные носители» любой идиом во Франции, кроме французского, называют «патуа», т.е. *говор*, часто с ярко выраженной пейоративной коннотацией. Иными словами, имя собственное для того или иного идиома не используется. Патуа может восприниматься в среде «наивных носителей» и как диалект французского, однако гораздо чаще он выступает по отношению к французскому не в противопоставлении язык – диалект государственного языка, а в противопоставлении язык – «недоязык», не язык вовсе.

Среди лингвистов и активистов предпочтение того или иного имени для идиома вызывает ожесточенные споры. С одной стороны, выбор объекта для называния предполагает определенную классификацию объектов действительности и позволяет воплотить в жизнь ту или иную модель разделения языкового континуума и социального мира. С другой стороны, акт называния часто выступает как перформативный (и интерпретируется как таковой лингвистами и активистами) – язык будет существовать, если его назвать:

...практические классификации всегда подчинены *практическим функциям* и ориентированы на производство *социальных эффектов*; (...) практические представления, которые легче всего подвергнуть научной критике (как, например, высказывания активистов-регионалистов о единстве окситанского языка) могут *способствовать производству* того, что они, как кажется, описывают или обозначают, то есть *объективной реальности*... (Bourdieu 1980: 65).

В дискурсе активистов и лингвистов можно выделить две модели представлений об изучаемых идиомах, которые мы условно назовем «широкой» и «узкой» моделями.

«*Широкая*» модель использует вышеуказанные и отныне официально признанные названия – «окситанский» и «франкопровансальский». Конкурирующее название последнего идиома – «арпитанский»¹. Эти идиомы репрезентируются как языки обширных трансграничных общностей: окситанский язык распространен в южной трети Франции, а также в долине Аран в Испании, княжестве Монако и некоторых альпийских долинах Пьемонта в Италии; франкопровансальский (арпитанский) язык распространен на юго-востоке Франции, в некоторых кантонах Швейцарии, в долине Аоста и ряде долин Пьемонта в Италии.

«Узкая» модель, в противоположность «широкой», называет идиомы по названиям исторических провинций: вместо единого окситанского языка речь идет о провансальском, лангедокском, гасконском и прочих языках; вместо франкопровансальского или арпитанского языка – о савойском, бресском и прочих.

Активист-савоярдист АВ, 1960²:

Мы сказали себе, что мы будем говорить о савойском, так, по крайней мере, у нас все будут понимать (...) в Савоие говорить, что савойцы говорят на савойском это как-то более логично и просто.

Так, «узкие» наименования представляются как «логичные и простые», понятные самим (потенциальным) носителям.

Наличие у идиома названия может, в свою очередь, выступать одним из аргументов в пользу того, что этот идиом – самостоятельный язык.

Лингвист-франкопровансалист Гастон Тюайон отмечает:

И действительно, это слово [франкопровансальский] (...) недостаточно солидный аргумент, чтобы доказать, что объект, таким образом означенный, заслуживает того, чтобы считаться чем-то иным, нежели французским и провансальским, собранными воедино и перемешанными" (Tuaille, 2007: 10, выделено мною – Н.Б.).

Активист-арпитанист NV, 1975:

Франкопровансальский это техническое название, научное, которое определяет язык через имя его соседей / как если бы называли каталанский "окситано-кастильским" / с этим именем у языка нет собственной идентичности (...) я считаю ключевым элементом для ревитализации, чтобы было недвусмысленное имя, которое придает языку свою идентичность /

Именно из этих соображений на смену «франкопровансальскому» для обозначения того же идиома вводится термин «арпитанский».

2. География

Другим аргументом для выделения идиома в качестве самостоятельного языка выступает в дискурсе информантов география его распространения: подчеркивается, что вопреки распространенным представлениям о том, что «патуа» – говор конкретной деревни, это язык, распространенный на обширной территории.

Приверженцы «широкой» модели подчеркивают трансграничное измерение языковой общности и обвиняют своих оппонентов в «локализме», который в институциональном аспекте может препятствовать признанию языков.

Сторонники «узкой» модели, в свою очередь, противопоставляют «естественные» языки исторических провинций «искусственным» языкам обширных общностей с политическими притязаниями, которые, в случае успеха «широкой модели», эти самые «естественные» языки убьют.

3. Письменность

Центральным аргументом при доказательстве того, что речь идет о самостоятельном языке, выступает наличие у идиома письменности – в противопоставлении «наивному» представлению о том, что «патуа не пишется» в принципе.

«Широкая» модель пропагандирует единый орфографический стандарт: это «классическая» орфография окситанского, воссоздающая орфографию средневековых административных текстов (разработанная Институтом окситанских исследований), и ORV - референтная орфография В для франкопровансальского/арпитанского, созданная лингвистом Домиником Стишем. Стандартная орфография утверждается как наддиалектная норма, которая, благодаря условностям написания, позволяет «озвучивать» текст с любым локальным произношением.

«Узкая» модель использует орфографию на базе французской, которую часто называют «фонетической», подразумевая, что она «читается, как пишется» – тогда как, на

деле, она основана на условностях французской нормы: так называемая «мистралевская» орфография для провансальского и орфография Конфлана для савойского языков. Эта орфография, призванная «использовать как можно больше графические условности французского, чтобы не сбивать читателей» («*Quand les savoyards écrivent leurs patois*» 1997: 215), репрезентируется как орфография «для народа» в противоположность «элитарной» стандартной орфографии.

3.1. Литературная традиция

Вопрос о письменности неразрывно связан с вопросом о литературной традиции. Именно существование великой литературы трубадуров XI – XIII вв. как источника развития всей европейской литературы и творчества фелибров – деятелей провансальского возрождения XIX в., в особенности нобелевского лауреата Мистрала, зачастую представляется достаточным основанием для того, чтобы утверждать, что окситанский (в «широкой» модели) или провансальский (в «узкой» модели) – самостоятельный язык.

3.2. Морфофонологические и лексические особенности

В отличие от окситанского или провансальского языков, притязания франкопровансальского/арпитанского или савойского идиомов на статус самостоятельных языков не могут быть легитимизированы существованием литературной традиции ввиду ее незначительности. Хотя факт существования текстов различных эпох непременно присутствует в дискурсе, на первый план выступает другой критерий: лингвисты доказывают то, что франкопровансальский – отдельный язык посредством диахронического анализа фонологии и грамматики (метод «особой комбинации» морфофонологических черт, используемый вслед за первым теоретиком франкопровансальского языка Асколи). Активисты оперируют критериями, выделенными лингвистами, добавляя лексический уровень – вероятно, как наиболее понятный неспециализированной публике.

4. История

Наконец, аргументом в пользу того, что перед нами самостоятельный язык, выступает в дискурсе информантов история его параллельного с французским языком развития из общего источника – латыни (вопреки распространенному у «наивных носителей» представлению о патуа как об исковерканном французском). Информанты апеллируют к широко известной исторической языковой ситуации, когда на территории нынешней Франции примерно по реке Луаре проходила граница между языками *oc* (окситанский или провансальский) и *oïl* (будущий французский). В современном дискурсе утверждается, что между двумя синхронными срезами – средневековым и сегодняшним – существует историческая непрерывность, при этом между этими двумя языками (в «широкой» модели) или языковыми группами (в «узкой» модели) есть еще третий (или третья группа) – франкопровансальский.

Эта история служит также доказательством того, что идиом равен французскому по своей ценности, причем для убедительности оба могут низводиться до «диалектов латыни». Активист-арпитанист EF, 1983: «Французский, испанский, каталанский, итальянский, в конечном счете, всего лишь диалекты латыни, как и арпитанский».

Заключение

Анализ дискурса лингвистов, языковых активистов и «наивных носителей», сопутствующего процессу повышения статуса региональных идиомов во Франции, позволяет вычленить некоторые характерные черты современных представлений о языке. При изучении системы аргументации оказывается, что «язык» – это идиом, у которого есть имя, и желательно недвусмысленное, который распространен на территории шире узко локальной, происходит из того же источника, что и государственный язык, но не из самого государственного языка и обладает письменностью и литературной традицией. Собственно лингвистические черты, морфофонологические и лексические, оказываются значимыми лишь в отсутствие прочих сильных аргументов.

Показательно, что такое видение того, что такое самостоятельный язык, в целом, разделяется всеми информантами: «наивные носители» отказывают «патуа» в статусе языка на основании своего представления о его несоответствии этим же критериям. Обе модели, выделяемые нами в дискурсе лингвистов и активистов, также оперируют этими критериями: «широкая» модель, в которой названия языков входят в парадигму окситанский – арпитанский (можно продолжить: каталанский...), предполагает существование обширной трансграничной языковой общности с единым орфографическим стандартом, а «узкая», с названиями провансальский или савойский – существование особых языковых общностей на территориях исторических провинций, например Прованса или Савойи, и особой орфографической системы для каждого такого языка.

Примечания

¹ Термин «окситанский» (производный от *ос* – «да» на этом идиоме), хотя и встречается в средневековых латинских текстах, был популяризован Институтом окситанских исследований (Institut d'Estudis Occitans), созданным в 1945 году.

Термин «франкопровансальский язык» (изначально «франко-провансальский» через дефис) был придуман в 1873 г. итальянским лингвистом Грациаджо Исая Асколи, впервые объединившим говоры на франко-итало-швейцарской границе в единый самостоятельный язык.

Термин «арпитанский» (от слова «Альпы»), появившийся в 1980-е гг. в долине Аоста, пропагандируется главным образом во Франции среди своих молодых активистов Арпитанским культурным альянсом (Aliance Culturèla Arpitana).

² Здесь и далее указываются условные инициалы информанта и примерный год рождения.

Литература

Bourdieu P. L'identité et la représentation. Eléments pour une réflexion critique sur l'idée de région // Actes de la recherche en sciences sociales. N° 35 – novembre 1980.

Haugen E. Dialect, Language, Nation // American Anthropologist. 1966. Vol. 68. Pp. 922–935.

Quand les savoyards écrivent leurs patois, 2ème volume. Savoie – Valais – Val d'Aoste. Textes et chansons choisis des 2e et 3e concours de patois (1992 – 1995), Conflans – Albertville : Centre de la Culture Savoyarde, 1997.

Rapport n° 09.11.450 Culture " Reconnaître, valoriser, promouvoir l'occitan et le francoprovençal, langues régionales de Rhône-Alpes " (отчет региона Рона-Альпы).

Tuaillon G. Le francoprovençal, tome premier Définition et délimitation. Phénomènes remarquables, Vallée d'Aoste: Musuleci éditeur, 2007.

Конституция Французской Республики.

<http://www.legifrance.gouv.fr/html/constitution/constitution.htm>.

Т.С. Богомолова

(Европейский университет в Санкт-Петербурге)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЕРБОЛУЖИЦКИХ ЯЗЫКОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ В КОНТЕКСТЕ ЭТНИЧЕСКОЙ АКТИВИЗАЦИИ

Цель данной работы можно сформулировать следующим образом: дать социолингвистическую характеристику серболужицким языкам (речь идет о западнославянских идиомах одного из официально признанных автохтонных меньшинств Германии) и представить несколько стратегий, основанных на (соответствующих) моделях отношения к языку, которые используются сегодня в различных проектах, направленных на распространение лужицких языков, а в ряде случаев – на их ревитализацию, преодоление языкового сдвига. В качестве материала исследования использованы интервью, взятые в январе 2010 г. в ходе полевой работы в городах Баутцен (Верхняя Лужица) и Коттбус (Нижняя Лужица). Основными информантами стали люди,

так или иначе имеющие дело с профессиональными занятиями языком: журналисты, редакторы, писатели, лингвисты, воспитательницы в двуязычных детских садах, работающих по программе языкового погружения (проект WITAJ). Всего было взято 20 интервью; в работе приводятся фрагменты некоторых из них.

Предварительные сведения

Лужица – историческая область в восточной части современной Германии, она располагается на территории двух федеральных земель – Саксонии и Бранденбурга. В эпоху раннего средневековья эту территорию заселяют славянские племена, а несколько веков спустя начинается германское завоевание, которое постепенно ведет к ассимиляции. Тем не менее на базе сохранившихся к началу Нового времени лужицких идиомов в XVI-XIX вв. формируются два литературных языка: верхнелужицкий и нижнелужицкий. Толчок к появлению и развитию лужицкой письменности дала Реформация. До XIX века применительно к верхнелужицкому языку можно было вести речь и о двух письменных вариантах, которые параллельно использовались в двух частях Верхней Лужицы: протестантской (основная территория) и католической (Glaser 2007: 99-100).

На протяжении XX века происходит германизация региона и языковой сдвиг в пользу немецкого языка, который сегодня наиболее ощутим в Нижней Лужице. На сегодняшний день число носителей верхнелужицкого языка составляет около 25 тысяч и нижнелужицкого – около 7 тысяч человек (Elle 2009: 297). Уточним: по современным данным (исследования Серболужицкого института в Баутцене, Serbski institut/ Sorbisches Institut e. V.), в Нижней Лужице число носителей языка составляет (около) 6 400 – 7 000 человек, в основном это люди пожилого возраста.

Область распространения верхнелужицкого языка условно можно поделить на католическую и протестантскую части. В протестантской также выделяют область распространения переходного слепянского диалекта, по названию поселения луж. *Slepo*, нем. *Schleife*. В католической области насчитывают около 8 000 носителей языка; считается также, что еще 2 тыс. лужицких сербов-католиков проживают в Баутцене; в протестантской – около 10 тыс., и там группу носителей, как и в Нижней Лужице, преимущественно составляют пожилые люди. Только в католических районах верхнелужицкий на сегодняшний день сохраняется как язык повседневной коммуникации, и только здесь присутствует межпоколенческая передача языка в семейном общении. В настоящее время именно католическая часть воспринимается как сообществом изнутри, так и внешним наблюдателем как «сердцевина» серболужицкой области поселения (нем. *sorbisches Kerngebiet*).

I. На сегодняшний день выживание лужицкого языка (имея в виду совокупность обоих идиомов) испытывает, можно сказать, угрозу с двух сторон. С одной стороны, будучи официально признанным языком автохтонного меньшинства и имея право на государственную поддержку,¹ он зачастую не воспринимается как язык, «уполномоченный» звучать за пределами специальных лужицких институций². Лужицкий язык также не воспринимается как язык экономического успеха, эту роль играет немецкий (Jaenecke 2003: 94-95). С другой стороны, база для укрепления лужицкого языка как разговорного, бытового, неофициального языка повседневного общения тоже невелика: лужицкий выполняет эту функцию только для небольшой группы носителей, около 8 тыс. человек, проживающих, в основном, в католических деревнях. Соответственно, только в этой группе использование лужицкого языка считается естественным, само собой разумеющимся явлением:

«Родители говорили на серболужицком, я выросла в совершенно серболужицком окружении и вся деревня... да, кроме одной семьи, но они были немножко в стороне» (инф.1)

С другой стороны, именно для носителей, принадлежащих к этой группе, характерно стремление впоследствии профессионально заниматься лужицким языком или

же на общественных началах участвовать в лужицкой (и лужицкоязычной) культурной жизни. Ориентация на «заботу» о языке является индикатором участия в жизни лужицкого сообщества.

«Я хочу работать для серболужицкого, для лужицких сербов. Это мой родной язык, это моя родина, мне нравится это делать» (инф.1)

Эмоциональный фактор проявляется как в случае, когда лужицкий является родным языком, так и в случае изучения его в позднем возрасте. Во втором случае он воспринимается как язык корней: либо как язык собственной семьи в прошлом, либо как язык родного региона. Особенно частой такая ситуация является для нижнелужицкого языка. В этом смысле нижнелужицкий можно охарактеризовать по Фишману как *school-based heritage mother tongue* (Fishman 1989: 230).

«В школе у меня не было лужицкого, но у меня есть лужицкие предки со стороны отца, так, значит, я из Шпревальда, там со мной бабушка с дедушкой говорили на лужицком, но я воспринимал язык только пассивно. Я хотел лучше изучить свои языковые корни с этой стороны» (инф. 2)

Особое эмоциональное отношение к языку встречается и в тех фрагментах интервью, в которых мы сталкиваемся с указанием на отношение к лужицкому как к языку, подходящему для описаний природы. В данном случае языку приписываются определенные свойства, не исходящие из его лингвистических характеристик, а базирующиеся, скорее, на сопряжении представления о культуре носителей данного языка со свойствами самого языка. Так, если до сих пор Лужица репрезентируется как крестьянский славянский край (образ, унаследованный из эпохи романтизма), то неудивительно, что в этот образ идеально включается такое качество языка, как способность описывать природу и сельскую жизнь.

«Эти типичные вещи, которые важны для крестьянской жизни, возможно, я лучше расскажу на нижнелужицком, потому что я узнал их на этом языке. Но об экологии или математике, наверное, все же проще говорить на немецком» (инф. 3)

Другое представление связывает язык с институтом, который был специально создан для задач по сохранению языка. В этом смысле лужицкий язык становится языком, который должен обслуживать специфическую сферу – сферу функционирования лужицкой культуры как в ее «высокой» ипостаси (научные и образовательные учреждения, профессиональное искусство), так и на низовом уровне, в ее сугубо этнических проявлениях (фольклорные певческие и танцевальные группы, народные праздники; в Верхней Лужице большое значение имеют практики, связанные с религиозной сферой – не только официальные богослужения, преимущественно католические, но и формы проявления «народной религиозности», самым ярким и масштабным из которых, пожалуй, можно назвать пасхальные конные процессии с пением и молитвами на верхнелужицком языке).

«Да, дома говорим только на лужицком. Немецкий я, на самом деле, учила в школе, когда была ребенком. И в моей семье мы говорим только на лужицком, и сейчас также. Даже не представляю себе по-другому. С моими братьями, сестрами, друзьями. Иногда в Баутцене мне приходится говорить по-немецки, как сейчас, например, или когда идешь в магазин. Но в организациях (Institutionen) везде по-лужицки, и в издательстве тоже» (инф. 4)

«Это два разных домена – мы говорим на нижнелужицком (Niedersorbisch), и есть одна сотрудница, ей 63 года, с ней мы говорим по-немецки, на улице по-немецки, в деревнях, со старыми людьми – на лужицком (Sorbisch), с людьми, которых ты знаешь из организаций – с ними тоже на лужицком (Sorbisch.» (инф. 3)

В этом контексте лужицкий становится языком, который можно использовать с целью получения экономических преимуществ: в лужицких институтах существуют вакансии, на которые требуются специалисты со знанием языка. Тем не менее этот

фактор, если и присутствует в интервью, то всегда имплицитно. Те информанты, которые действительно в своей работе не просто используют лужицкий, но используют его как основной объект или инструмент своей деятельности, в качестве определяющих называют другие причины. Язык может быть предпосылкой, но не может рассматриваться в качестве способа извлечения выгоды:

«Я знаю, что я могу так же хорошо сделать немецкий репортаж, как и лужицкий. Я долго работала за пределами Лужицы. У меня нет лужицкого бонуса или чего-то такого» (инф. 1)

На первом месте в подобных нарративах, заимствованных из текстов интервью, всегда стоит личная заинтересованность в языке, хотя это может совершенно иначе интерпретироваться внешним – немецким – окружением. В разговорах с немецкими жителями данной местности мне неоднократно приходилось встречаться с высказываниями о том, что «лужицкое» остается здесь только благодаря масштабной финансовой поддержке и лишь поэтому, например, удастся привлекать детей в двуязычные детские сады и школы – как правило, лучше обустроенные или предлагающие более широкий спектр возможностей, чем немецкие.

Полярная оценка данного явления изнутри и снаружи является одним из проявлений немецко-лужицких противоречий, которые сохраняются по сегодняшний день. Борьба за идентичность группы воспринимается внешним окружением как борьба за ресурсы, в каковой язык используется в качестве дополнительного «оружия». Впрочем, этот же факт отмечали и мои лужицкие информанты, но с другим отношением к этому явлению: личная выгода в ситуации, представляющей угрозу всей группе, может иметь место, если (только) она используется на благо самой же группы.

«Большая проблема лужицкого народа стала моим шансом, потому что у меня не было конкуренции. Почти не было людей в моем возрасте, молодых людей, которые бы владели языком не только устно, но и письменно» (инф. 4, работает в одном из лужицких СМИ, соответственно, благодаря своей деятельности, способствует распространению лужицкого языка.)

Учитывая, что, в основном, моих информантов можно охарактеризовать как людей, испытывающих высокую степень ответственности за сохранение лужицкого языка – *“personal responsibility for the language”* (Fishman 1989:397) – из суммы интервью можно было сделать вывод, что даже представители группы, находящейся в авангарде этнического движения, не испытывают особого оптимизма относительно возможностей влиять на сохранение языка даже на уровне общения в близком кругу, например в собственной семье:

«А, в моем конкретном случае это сложно... один сын... Я живу в Кроствице, в деревне, в 20 км от Баутцена. И всегда, когда он в Кроствице, это чаще всего на выходных, и когда я слушаю серболужицкую программу и я говорю: сейчас я хочу послушать передачу, которую я делала, или: сейчас будет что-то интересное, что тебе понравится, – тогда он тоже слушает. Потому что я так говорю. Так я говорю с ним и с его братом, с обоими сыновьями я говорю на лужицком, и они оба ходили в серболужицкую школу, но оба либо учатся, либо работают, и это (нрзб.) Второй живет в Штутгарте, там у него мало шансов говорить на лужицком. Тот, который в Баутцене, еще может со своими друзьями, а так... они только со мной говорят на лужицком, и им не приходится в голову обязательно слушать лужицкое радио. Это теоретически было бы возможно на Западе, где он сейчас работает, один сын. Это можно, он бы мог через Интернет, live stream, в любой точке мира слушать лужицкое радио, но он этого не делает. Другой делает, когда я говорю. А так тоже нет» (инф. 5)

II. Далее следует осветить вопрос о взаимоотношениях двух лужицких языков, разделении их «сфер влияния» и наделении каждого из них своим символическим статусом. Разделение Лужицы на Верхнюю и Нижнюю актуализируется по-разному в зависимости от контекста. Политическое (немецкое, внешнее, насильственное,

несправедливое) разделение Лужицы представляется причиной отсутствия настоящего единства между лужицкими сербами. Последняя попытка со стороны лужицких сербов добиться территориального единства Лужицы в составе Германии провалилась в ходе обсуждения Договора об объединении Германии (Ela 2008: 357). В Договор также не был включен пункт о защите национальных меньшинств, на чем настаивали представители лужицкой элиты. В приложении к Договору содержится пункт, в котором говорится о свободе принадлежности к серболужицкой «народности» и серболужицкой культуре, о поддержке и дальнейшем развитии лужицкой культуры и традиций, о свободе использования серболужицкого языка в общественной жизни. Он также содержит пункт об автономности каждой земли в вопросах культуры и образования, поэтому пункты, относящиеся к регулированию «серболужицких вопросов», попадают под действие законодательства федеральных земель Саксония и Бранденбург (Foy, Thiele 1997: 66). Таким образом, проведение языковой политики оказывается в компетенции земель. В законах³ каждой земли говорится о серболужицком языке, но на практике всегда имеется в виду один идиом – верхне- или нижнелужицкий. Лужицкие СМИ ориентируются на ту или иную область в зависимости от языка: верхнелужицкие газеты, радио, телевидение повествуют в основном о событиях в Верхней Лужице, и по той же схеме действуют их нижнелужицкие коллеги. Исключение – общелужицкий культурный журнал «Rozhlad» («Обозрение»), где печатаются статьи на обоих языках, но и там действует тот же принцип: более вероятно, что о верхне-/нижнелужицких вопросах будет написано, соответственно, на верхне-/нижнелужицком языке.

Надо отметить, что если речь идет о двух лужицких языках, то сам факт существования двух стандартных лужицких языков считается чем-то вполне естественным, объективным, более того – свидетельством культурного богатства небольшого народа, который смог сохранить оба эти языка, хотя перспектива сохранения нижнелужицкого даже для самих лужичан представляется маловероятной. Идея слияния языков на современном этапе объявляется искусственной. Распространенным является представление, что объективные различия языков создают помехи лужицко-лужицким контактам, затрудняют внутрилужицкую коммуникацию. В целом, начиная с середины XIX и особенно со второй половины XX века нижнелужицкие сербы зачастую являлись «импортерами» верхнелужицких культурных инициатив, таких, как создание школ, издание газет, организация концертов и радиотрансляций, и др. Заметим, что ситуация, когда нижнелужицкому носителю приходится бывать в верхнелужицкой языковой среде, является более распространенной – соответственно, в зависимости от этого может меняться восприятие взаимопонятности языков у верхне- и нижнелужицких сербов.

Характерно, что дифференциация группы происходит с помощью термина из немецкого языка: в немецком сейчас обозначилось семантическое разделение прежде синонимичных обозначений для лужицкого языка *Sorbisch* и *Wendisch*. Теперь термин *Sorbisch* чаще используется в отношении верхнелужицкого языка, *Wendisch* – нижнелужицкого. В то же время в лужицких языках самоназвание языка и группы идентично – *serbski*, *Serbja/Serby*. Тот факт, что носители причисляют себя к той или иной лужицкой группе с помощью немецкого, дает нам определенные сведения о характере идентичности группы: часто именно нижнелужицкие сербы настаивают на употреблении термина *Wendisch*. При этом для большинства моих информантов, которым известна традиция употребления этих терминов, важна не разница обозначений *Sorbisch/Wendisch*; для них принципиальным является другое: для сохранения культурного богатства народа нужно сохранять оба языка. В настоящее время активисты из числа верхнелужицких сербов, как и в XIX и XX вв., продолжают инициировать и проводить проекты по исследованию и популяризации нижнелужицкого.

«Эти дискуссии... По-моему, их не должно быть, потому что слишком много дискуссий. Мы должны так применять наши силы, чтобы они действительно или на

пользу, на сохранение лужицкого (*Sorbischen oder Wendischen – der sorbischen – wendischen Sprache*)» (инф. б)

История лужицких сербов во внутреннем дискурсе представляет собой историю борьбы лужицких сербов с немецкой ассимиляцией, причем борьбы, скорее, за язык и культуру, чем за политический независимый статус. При этом, как показано в литературе (и красной нитью проходило через некоторые мои интервью), для лужицких сербов характерна «мирная» идентичность, борьба за которую должна идти на «поле культуры». Зачастую это именно борьба за возможность использования собственного языка, за равный статус лужицкого с немецким, за возможность свободно говорить на лужицком, не подвергаясь репрессиям. Вместе с этим нередко встречается идея лояльности лужицких сербов своему (немецкому) государству и правительству (Schurmann 2003, Huebner 1988, Walde 2006, etc.) В интервью «эксперты» сообщества сообщали, что стратегию скрытого противостояния, внешне выражаемого как принятие условий со стороны немецкого государства, можно считать успешной, потому что такая стратегия позволила лужицким сербам сохраниться в качестве этнической группы и сохранить свой язык на территории Германии (в отличие от прочих, более воинственных славянских племен, например вендов Нижней Саксонии, носителей древянского идиома). Мирные, «затаенные» действия лужицких сербов все же позволили, пусть и с потерями количества носителей языка, сохранить и сам язык, и лужицкую культуру. Другое дело, что сегодня в дискурсе лингвистического активизма природная или выработанная склонность лужицких сербов к тому, чтобы «приспосабливаться» и «прятать» свой язык, рассматривается как препятствие на пути широкого использования всех прав, предоставляемых современным законодательством, и, соответственно, более активного употребления лужицкого языка и продвижения лужицкой культуры.

Знаменательно, что наибольшее распространение как внутри сообщества, так и вне его, получает идея о решающем характере языкового фактора: самопричисление, участие в лужицких культурных практиках и жизни сообщества, безусловно, играет свою роль, но именно владение серболужицким языком оказывается важнейшим критерием лужицкой идентичности, и часто – практически единственным знаком отличия от немецкого большинства (Ela 2009, Elle 2010).

Примечания

¹ Права лужицких сербов на использование языка и развитие культуры зафиксированы в 35 статье и 14 отметке Договора об объединении Германии, конституциях федеральных земель Саксония и Бранденбург, «Серболужицких законах» Саксонии и Бранденбурга. Для поддержки лужицких культурных инициатив в 1991 г. был создан Фонд серболужицкого народа (*Založba za serbski lud/ Stiftung für das sorbische Volk*).

² К числу таковых можно отнести, к примеру: Серболужицкий институт в Баутцене, Серболужицкие дома и Серболужицкие музеи Баутцена и Коттбуса, Немецко-серболужицкий народный театр и Национальный серболужицкий ансамбль (оба в Баутцене), лужицкие СМИ (печатные и электронные), школы, языковой центр WITAJ, церковь (там, где службы на лужицком еще проводятся), а также нельзя не упомянуть и основную общественную организацию лужицких сербов, «Domowina», включающую 17 объединений и 7 300 членов (“Gesamtkonzept...” 2009:221).

³ Gesetz zur Ausgestaltung der Rechte der Sorben (Wenden) im Land Brandenburg, 07.07.1994; Gesetz über die Rechte der Sorben im Freistaat Sachsen, 20.01.1999.

Литература

Ela L. 100 Jahre Kampf um so eine Kleinigkeit. Serbja a teritorialne reformy // Rozhlad. Serbski kulturny časopis. 2008. № 10. S. 354 – 359.

Ela L. Kelko je Serbow? Abo – dyrbja so mjeńšiny poprawom ličić?// Rozhlad. Serbski kulturny časopis. 2010, № 6. S. 16-18.

Elle L. Sorben – demographische und statistische Aspekte // Minderheiten als Mehrwert. Schriften des Collegiums PONTES, Band 6, 2009. Peter-Lang-Verlag. S. 291 – 301.

Fishman J. Language and Ethnicity in Minority Sociolinguistic Perspective. Clevedon: Multilingual matters, 1989.

Foy T., Thiele C. The legal status of the Sorbian minority in the Federal Republic of Germany// International Journal on Minority and Group Rights. 1997, № 4. Pp. 41 – 77.

- Gesamtkonzept zur Förderung der sorbischen Sprache und Kultur*, Teil I. Ist-Analyse der von der Stiftung für das sorbische Volk geförderten Einrichtungen. Hrsg. Matthias Vogt, Institut für kulturelle Infrastruktur Sachsen. Görlitz, 29.05.2009.
- Glaser K.* Minority languages and cultural diversity in Europe: Gaelic and Sorbian perspectives/ Linguistic diversity and languages rights, 3. 2007. Multilingual Matters Ltd.
- Huebner T.* The ethnicity denied: Nazi policy towards the Lusatian Sorbs // German History 1988 Vol. 6 № 3. Pp. 250-277.
- Schurmann P.* Zur Geschichte der Sorben (Wenden) in der Niederlausitz im 20. Jahrhundert. Eine Dokumentenauswahl. Arbeitsstelle Bildungsentwicklung Cottbus, 2003.
- Toivanen R.* Minderheitenrechte als Identitätsressource: die Sorben in Deutschland und die Saamen in Finland. 2001.
- Walde M.* Katholisches versus evangelisches Milieu bei den Sorben// Lëtopis. Zeitschrift für sorbische Sprache, Geschichte und Kultur. 53, 2006. 2. S. 15 – 28.

Информанты:

- 1 – ж, 35 лет, Верхняя Лужица
- 2 – м, ок. 39 лет, Нижняя Лужица
- 3 – м, 41 год, Нижняя Лужица
- 4 – ж, 52 года, Верхняя Лужица
- 5 – ж, 51 год, Верхняя Лужица
- 6 – ж, ок. 55 лет, Нижняя Лужица

В.И. Быканова

(Санкт-Петербургский государственный политехнический университет)

ДИНАМИКА ПРОСТРАНСТВЕННЫХ КОНЦЕПТОВ АНГЛОСАКСОВ

Когнитивная лингвистика в настоящее время является одной из наиболее успешно развивающихся областей науки о языке. Одним из способов получения новых интересных данных, раскрывающих процессы познания мира и отражения результатов познания в языке, является привлечение ранее не использовавшегося или использовавшегося не в полной мере языкового материала. Таковым, на наш взгляд, является, топонимическая лексика.

Значительное место среди работ по когнитивной лингвистике занимают исследования, посвященные изучению пространства и пространственных отношений. Пространство является формой бытия всех объектов, которые существуют в мире и окружают человека, и всех процессов, протекающих в нем. Жизнь человека вне пространства невозможна. Изучение того, каким представляется мир человеку – а каждый человек является представителем определенного этноса – позволяет одновременно получить знания об окружающем нас пространстве и знания о народах, которые в нем живут.

До настоящего времени изучение лингвистами пространства во многом шло по пути рассмотрения пространственных отношений. Ученые на основании языковых данных вслед за людьми, пользующимися языками как средством общения, рисовали карту, некий геометрический образ пространства, и добились на этом пути больших успехов. Однако, на наш взгляд, не менее интересным и важным является исследование того, какими видят и что знают люди как представители этносов, к которым они принадлежат, об отдельных объектах-конституентах пространства.

Воссоздание пространственных концептов, соотносимых с разными конституентами пространства, представляется нам актуальной задачей, требующей большого времени для завершения. Не все конституенты пространства в одинаковой степени связаны с повседневной жизнью людей, хотя следует отметить, что любое присвоение объекту имени собственного свидетельствует о приписывании ему

определенной ценности. К числу наиболее значимых объектов, несомненно, относятся населенные пункты, которые издавна были местами сосредоточения населения и, следовательно, теми центрами, откуда шло физическое, практическое и ментальное освоение окружающего мира. В связи с этим в качестве объекта исследования в данной работе мы выбрали динамику пространственного концепта «населенный пункт».

Для воссоздания модели пространства в целом и для воссоздания отдельных пространственных концептов, соотносимых с разными конституентами пространства, мы предлагаем методику, в основе которой лежит описание пространства через систему дескрипторов, отражающих качества, свойства, функции конституентов пространства и их отношения. Дескрипторы выявляются на основании этимологического и словообразовательного анализа топонимов.

Субстанциональные дескрипторы–1 (дескрипторы первого типа) коррелируют с отдельными нерукотворными конституентами пространства.

Субстанциональные дескрипторы–2 (дескрипторы второго типа) коррелируют с параметрами конституентов пространства, которые, в свою очередь, могут иметь множественные манифестации (размер «большой», «маленький»), или являться их составными частями («склон», «вершина» холма).

Антропологические дескрипторы включают дескрипторы-имена отдельных представителей этноса, дескрипторы-характеристики социального положения, возрастной дифференциации и рода занятий, дескрипторы-имена этнических сообществ;

Хабитатные дескрипторы связаны с проживанием человека в населенных пунктах, зданиях и сооружениях;

Протективные дескрипторы свидетельствуют о защите пространства, объявленного своим;

Экономические дескрипторы репрезентируют материальные объекты, созданные человеком, и субстанциональные дескрипторы, существенно измененные и вовлеченные в хозяйственную деятельность человека.

Ценностные дескрипторы отражают систему ценностей, верования, религию;

Эстетические дескрипторы показывают способность этноса видеть красоту окружающего мира;

Темпоральные дескрипторы отражают связь пространства и времени;

Ориентационные дескрипторы показывают, как человек организует пространство в своем сознании, устанавливая связи между конституентами пространства и связи между собой и конституентами пространства.

Применение системы дескрипторов позволило реконструировать концепт «населенный пункт» у разных этносов, проживавших на территории острова Великобритания, в том числе и у англосаксов. В структуре концепта «населенный пункт» были задействованы все вышеупомянутые группы дескрипторов, что позволило представить англосаксонский концепт «населенный пункт» как многослойное образование. В его состав входит перцептивный слой, связанный с восприятием данного типа объектов органами чувств, антропологический, хабитатный, протективный, экономический, ценностный, эстетический, темпоральный и ориентационный. Перцептивный слой описывается субстанциональными дескрипторами–1, передающими такие характеристики населенного пункта, как: рельеф местности, на которой он располагается; ландшафт; особенности животного и растительного мира; наличие внутри, вокруг или непосредственно на его границе гидрообъекта; наличие природных (или рукотворных) объектов и субстанциональными дескрипторами–2.

После выявления структуры концепта перед исследователем неизбежно встает вопрос о том, является ли эта структура устойчивой? Остается ли она неизменной после формирования в сознании представителей определенного этноса, или подвержена изменениям? Если изменения имеют место, то насколько принципиален их характер? Затрагивают ли они структуру концепта, т.е. приводят к появлению новых слоев или

исчезновению имеющихся, или ограничиваются варьированием на уровне дескрипторов? Ответить на то вопрос мы попытались в данной работе, обратившись к концепту «населенный пункт» у англосаксов.

Было проанализировано 3 000 топонимов из словаря Миллза (Mills 2003) и выявлено 522 лексические единицы претерпевших изменения в своем составе в сторону увеличения. При описании отдельных объектов, коррелирующих в реальности с соответствующим концептом, дополнительно использовались следующие дескрипторы:

Перцептивный слой

Субстанциональные дескрипторы–1:

- 1) Территория: «участок земли/угол» Holme **Hale** (1 раз) и «остров в болоте» Runcton **Holme** (1 раз);
- 2) Акватория: «ручей» Barnolby le **Beck** (1), «вода» Ashford in the **Water**, Allerton **Bywater** (2), «море» Holme next the **Sea** (1);
- 3) Рельеф: «холм» Gox**hill**, Cheetham **Hill** (10);
- 4) Ландшафт: «лес» Ashray **Forest** (5), Aston **Fields** «поле» (1);
- 5) Растительный и животный мир: «ясень» **Ashwick** (2);
- 6) Климатические особенности «холод/холодный» **Cold** Ashby (4).

Общее количество манифестаций субстанциональных дескрипторов–1, дополнительно использованных в описании концепта, составляет 28.

Субстанциональные дескрипторы–2:

- 1) Размер «большой» **Great** Corby, **Great** Gorneby, **Much** Wenlock, Chew **Magna** (29): «маленький» **Little** Torrington, **Little** Melton, Fontmell **Parva** (25);
- 2) Габариты «длинный» **Long** Bredy (4): «короткий» не выявлен, «широкий» **Broadmaune** (2). В третьем выявленном случае Oulton **Broad** дескриптор «широкий» использовался не для описания населенного пункта, а для описания протекающей через него реки.
- 3) Цвет «белый» (1) Aston **Blanc**, «черный» **Black** Torrington (1), «зеленый» **Green** Kirkstead (4).

Общее количество манифестаций субстанциональных дескрипторов–2, дополнительно использованных в описании концепта «населенный пункт», составляет 66.

Антропологические дескрипторы

- 1) дескрипторы – имена отдельных представителей этноса: Nymet **Rowland**, All Stretton (23);
- 2) дескрипторы – фамилии феодалов: Acton **Trussel**, Melton **Mobray**, Action **Pigott** (68);
- 3) дескрипторы – характеристики социального положения: «король» **King**'s Nympton (2), «граф» **Ealrs** Croome (3), «молодой дворянин» **Chilfrome**(1);
- 4) дескрипторы – характеристики рода занятий: «монах» Toft **Monks** (4), «епископ» **Bishop** Tawton (7), «аббат» **Abbotsham**, Isle **Abbots** («аббатство» как совокупность людей) (6), «каноник» **Canon** Frome (2), «приор» Ash **Priors** (2), «рыцарь-храмовник» Sowerby **Temple** (1), «монахиня» **White Ladies** Aston (1), «советчик» **Rothersthorpe** (1).

Общее количество манифестаций антропологических дескрипторов, дополнительно использованных в описании концепта, составляет 121.

Хабитатные дескрипторы

«Дом» **Bircham** Toft (3), «дом землевладельца/зал» **Hall** Dunnerdale (3). Итого 6 манифестаций.

Протективные дескрипторы

«Укрепленный (город)» **Richborough** (3), «замок» **Castle** Eden(5). Итого 8 манифестаций.

Экономические дескрипторы

Дескрипторы, связанные с торговлей: «рынок» **Market** Stainton (2);

дескрипторы, связанные с мореплаванием: «флот» **Flat** Holme (1);

дескрипторы, связанные с ремеслами: «железо» **Iron** Acton (1), «меха для плавления» Kirkby **Overblow**(1);

дескрипторы, связанные с сельским хозяйством: «плохая вырубка» Kirkby **Malzeard** (1), «поросший рожью» **Wheaton** Aston (1), «ферма» Cerney **Wick** (1); дескрипторы, связанные с инфраструктурой: «дорога» **Gate** Helmsley, Aldwick le **Street** (3), «мост» Sowerby **Bridge** (14).

Общее количество манифестаций экономических дескрипторов, дополнительно использованных в описании концепта, составляет 11.

Ценностные дескрипторы

- 1) «Имя святого, которому посвящена церковь» Saltfleetby **St Peter, Mary Tavy** (29);
- 2) «церковь/монастырь» **Kirk** Sandall, Iwerne **Minster** (15), «часовня» **Chapel** Allerton (2);
- 3) «крест» Ansty **Cross**, Ampney **Crucis** (2) «шпиль» **Steeple** Ashton(3).

Общее количество манифестаций ценностных дескрипторов, дополнительно использованных в описании концепта, составляет 59.

Темпоральные дескрипторы

«Новый» New Alresford (2), «старый» Old Alresford (2). Итого 4.

Ориентационные дескрипторы

«Восток» **East** Ruston (18): «запад» **West** Derby (29); «север» **North** Ormsby (17): «юг» **South** Loverton (18). Итого 82.
«Высокий/верхний» **Upper** Langwith, Uplyme, **High** Throston, **Higher** Ashton (24) : «нижний» **Low** Catton, **Lower** Penn, **Nether** Keller (15). Итого 39. Дескрипторы этой группы часто отображают положение населенного пункта по течению реки.
«Средний» **Middle** Assendon (1); «ближний» **Near** Sawrey (1), «дальний» **Far** Sawrey (1), «внешний» **Out** Rawcliff (1); «конец» Materdale End, Spurn Head (5).

Общее количество манифестаций ориентационных дескрипторов этих подгрупп составляет 130.

Локативные дескрипторы, указывающие на положение объектов по отношению друг к другу:

- 1) «около» by Owmbby-**by**-Spital (около города ИС), Allerton Bywater (около реки ИС) (3);
- 2) «рядом» Holme **next** the Sea (рядом с морем) (1);
- 3) «на» on/upon Shipston **on** Stour (на реке), Barmby **on** the Marsh (на болоте), Thorpe **on** the Hill (на холме), Holme **on** the Wolds (в высоком лесном районе) (16 из них 11 – это названия рек);
- 4) «под/ у подножия» Ashton **under** Lyne (ИС района) (2);
- 5) «в» in Kirkton **in** Lindsey (в районе ИС), Alsop **en** le Dale (исходная форма Alsop **in** le Dale) (в долине), Irby **in** the Marsh (в болоте), Ashford **in** the Water (в воде, т.е. на реке) (14).

Общее количество манифестаций ориентационных дескрипторов этих подгрупп составляет 36.

Выявлено также 14 случаев, когда в качестве ориентира был использован другой топоним. Как правило, это название соседнего населенного пункта.

Проведенный анализ показал, что в процессе развития в пространственном концепте «город» новые слои не появились. Приращение шло за счет активного использования групп дескрипторов, которые участвовали в описании концептов изначально. К таковым прежде всего следует отнести антропологические дескрипторы. Правда, в ходе анализа были отмечены новые манифестации дескрипторов, такие, как, например, «монах», «каноник», «приор» и некоторые другие. Более часто стали использоваться дескрипторы ценностного слоя. Появились дескрипторы, фиксирующие характер расположения объектов по отношению друг к другу. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что топонимы стали больше использоваться не для фиксации

представлений англосаксов об объектах пространства, которые их окружали, а для картографирования этого пространства.

Литература

Mills A.D. A Dictionary of British Place – Names. Oxford University Press, 2003.

Е.Н. Василенко

(Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова, Беларусь)

ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА ЕЖЕГОДНОГО ПОСЛАНИЯ ПРЕЗИДЕНТА ПАРЛАМЕНТУ (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

Ежегодное послание президента парламенту занимает особое место в жанровой структуре политического дискурса, так как оно является исторически сложившейся формой взаимодействия законодательной и исполнительной ветвей власти в государствах с президентской формой правления.

Рассмотрим специфику данного жанра на материале посланий четырех последних президентов США Конгрессу «О положении союза» (State of the Union Addresses), представленных на сайте проекта «The American Presidency Project» .

Послание президента США Конгрессу относится к особой области политического дискурса – президентской риторике – и, несомненно, является жанром институциональным, а именно, как и другие публичные выступления политических лидеров, представляет собой статусно-индексальное общение на уровне «политик – все общество или большие социальные группы» (Шейгал 2004: 235). Таким образом, в полевой структуре политического дискурса послание будет относиться к прототипным, т.е. первичным жанрам (по классификации Е.И. Шейгал). Не вызывает сомнений и принадлежность послания к монологическим устным жанрам, в которых, по справедливому замечанию О.Н. Паршиной, в отличие от диалогических жанров, как правило, есть письменная основа (Паршина 2007: 34).

С точки зрения ведущей интенции, послание президента парламенту является жанром ритуальным, или интегральным. В рамках американской лингвокультуры можно выделить следующие ритуальные жанры: инаугурационное обращение президента к нации (Inaugural Address), прощальная речь президента (Farewell Address), субботнее радиообращение президента к нации (Saturday Radio Address), речь президента, приуроченная к определенному событию (Speech/ Remarks on the occasion of...) и т.п.

К ритуальным жанрам мы относим послание президента Конгрессу на основании следующих критериев: пространственная и временная локализованность, тематическая заданность общения и закрепленная форма.

Проведенный анализ показывает, что традиционно структура текста послания включает следующие элементы:

- обязательные рамочные компоненты: обращение к адресату и заключение, в котором говорящий традиционно апеллирует к Богу;
- основную часть, которую можно условно разделить на следующие компоненты:
 - а) небольшую по объему вступительную часть, в которой президент косвенно подчеркивает собственный статус, упоминая о своей обязанности как главы государства выступать с посланием;
 - б) ретроспективную часть, в которой адресант обращается к прошлому и подчеркивает историческую значимость момента;

- в) констатирующую часть, посвященную достижениям прошедшего года и представлению существующих проблем;
- г) рекомендательную часть, которая обычно является самой объемной и включает в себе непосредственно информацию о предлагаемых мерах;
- д) инспиративную (интегративную) часть, зачастую содержащую открытый призыв к единению.

Перечисленные выше компоненты не обязательно следуют в предложенной последовательности, более того, они обычно перемежаются на протяжении всего выступления.

Таким образом, можно выделить следующие основные жанровые признаки, отличающие послание от других жанров эпидейктической риторики:

- обозначение основных задач на предстоящий год (главная цель посланий президентов Конгрессу);
- объединение аудитории в единую нацию (послания адресованы непосредственно Конгрессу, но рассчитаны на очень широкую аудиторию);
- обращение к прошлому как источнику традиционных ценностей нации и его реконструкция с целью описания будущего.

Главной функцией ежегодного выступления президента является непосредственно поддержание и укрепление статуса самого института президентства. Как отмечают американские исследователи, «самим фактом произнесения послание напоминает стране, что президенты играют уникальную роль в нашей системе правления» (Campbell, Jamieson 2008: 137). Реализуется эта основная функция посредством актуализации информативной, интегративной и инспиративной подфункций.

Информативная функция заключается в обозначении основных задач на предстоящий год. Президент излагает свою оценку ситуации в стране и описывает предстоящие законодательные инициативы. Для реализации данной функции используются модальные глаголы долженствования и, реже, возможности: *First, we **must** balance the Federal budget. We **can** do so without raising taxes* (2007). Если говорящий подчеркивает тот факт, что предложенные им меры обязательно будут реализованы, вместо модальных глаголов, которые апеллируют к мнению адресата, он использует форму будущего простого времени, тем самым констатируя факт их будущего осуществления: *After years of leaders whose rhetoric attacked bureaucracy but whose action expanded it, we **will actually reduce** it by 252,000 people over the next 5 years* (1994).

Интегративная функция заключается в утверждении единства нации, призыве к объединению граждан в единый народ и описании национального духа и характера. Важную роль в актуализации данной функции играют эксплицитные маркеры – знаки интеграции: личные и притяжательные местоимения (максимальную нагрузку несут замены *you – we/ we – you*: [...] *if **you** adhere to **our** common values **you** should be treated no different than anyone else* (2010)); лексемы совместности (*all, join, common, together, unity, united* и др.); лексические единицы с компонентом совместности, выполняющие функцию вокатива с коннотацией «я свой» (*my fellow Americans, my fellow citizens* и др.).

Инспиративная функция заключается в воодушевлении нации и прославлении традиционных ценностей. Президент напоминает о совместных победах в прошлом и указывает путь решения общих проблем в настоящем. Он вселяет в аудиторию надежду на лучшее будущее, веру в успех своей деятельности, подчеркивает, что он является продолжателем традиции своих предшественников. Помимо обращения к прошлому и национальным ценностям, данная функция реализуется посредством грамматических форм непрямого императива со значением включения в сферу его действия говорящего: *Let's leave behind the fear and division, and do what it takes to defend our nation and forge a more hopeful future – for America and for the world* (2010).

Несомненно, все перечисленные выше функции взаимосвязаны и при их реализации могут быть использованы сходные средства.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что послание президента Конгрессу – это не только отчет о проделанной президентом работе и обозначение основных задач на предстоящий год, но и символический акт. Ежегодное выступление президента с посланием парламенту как жанр политического дискурса обладает рядом уникальных характеристик и выполняет определенные функции, главной из которых является функция поддержания и укрепления статуса института президентства.

Литература

Паршина О.Н. Российская политическая речь. М., 2007.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М., 2004.

The American Presidency Project: <http://www.presidency.ucsb.edu/>

Campbell K.K., Jamieson K.H. Presidents creating the presidency: deeds done in words. Chicago & London, 2008.

О.А. Волошина

(Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова)

ТЕРМИНОЛОГИЯ ГРАММАТИКИ ПАНИНИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДРЕВНЕИНДИЙСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Древнейший грамматический трактат – грамматика Панини¹ обоснованно считается вершиной древнеиндийской лингвистической мысли. Знакомство с трактатом Панини имело огромное значение для развития теоретической лингвистики в Европе. Достижения древних индусов в области теории языка способствовали зарождению сравнительно-исторического языкознания – первого собственно научного направления в истории лингвистики, а также последующему бурному развитию общего языкознания. Ведь именно грамматика Панини впервые познакомила европейцев с уникальным методом морфологического анализа, явив собой пример математически точного и полного описания языка.

Древнеиндийская цивилизация отличалась, как выражаются исследователи, «забвением истории», что выражалось в отсутствии интереса к составлению летописей, к попыткам изложить последовательность исторических событий и датировать их. Индийская хронология часто приблизительна и относительна. Литературные произведения и научные трактаты не имеют точной датировки, неизвестны также даты жизни великих царей и мудрецов Древней Индии (мы не знаем не только годы жизни, но даже века можем назвать весьма приблизительно).

Очень трудно восстановить историю жизни людей, сыгравших огромную роль в развитии древнеиндийской цивилизации. Биография конкретного человека сразу же после составления мифологизировалась и приобретала обобщенный характер, персонаж нередко обожествлялся. Часто о мудреце неизвестно ничего, кроме названия созданного им произведения. В достоверности дошедших до наших дней биографических сведениях об авторе часто приходится сомневаться. Например, биография Патанджали – автора комментария к грамматике Панини – создается через две тысячи лет после его смерти. В скульптурных памятниках Патанджали предстает в образе одного из воплощений Будды. О жизни великого грамматиста Панини (4 в. до н.э.) достоверно ничего неизвестно. Легенда свидетельствует о том, что этому великому мудрецу и провидцу сам бог Шива диктовал сутры грамматики и подарил Шива-сутры – своеобразный ключ к построению всего корпуса грамматики.

Известно, что знания в древней Индии хранились в устной форме и передавались из уст в уста многими поколениями брахманов на протяжении нескольких веков. Таким

образом, первоначальное содержание каждого текста, передаваемого в устной форме из поколение в поколение, неизбежно претерпевало изменения. Древнеиндийские тексты дошли до нас в нескольких вариантах, каждый из которых представляет собой совокупность разных частей – фрагментов, относящихся к разным эпохам, своего рода наслоений, которые часто невозможно датировать. Возможно, знаменитые произведения Древней Индии – в том числе грамматика Панини – содержат части, принадлежащие другим авторам и добавленные в основной корпус текста в более позднее время.

Очевидно, что грамматика Панини возникла не на пустом месте – ей предшествовал длительный период развития знаний о языке.

В частности, в древней Индии были созданы многочисленные трактаты о фонетических изменениях слов в Ведах, называемые *pratiçākḥā* (букв. «к каждой ветви»). Поскольку все произведения индийской словесности долгое время существовали в устной форме, велик был интерес к изучению звучащей речи (анализ звуков, особенностей просодики и др.). Не удивительно, что сильной стороной древнеиндийской лингвистической традиции было пристальное изучение звучащей речи, разработка подробных артикуляционно-акустических классификаций звуков, описание различных типов фонетических изменений на стыке слов и морфем («внешние» и «внутренние» сандхи). Даже алфавит санскрита представляет собой строгую последовательность звуков: гласные (краткие и долгие), гласные дифтонгического происхождения и собственно дифтонги, сонанты, звонкие и шумные согласные, которые, в свою очередь, сгруппированы в ряды по месту и способу образования. Бодуэн де Куртенэ писал: «Одному только древнеиндийскому (санскритскому) алфавиту...свойственен порядок, основанный на физиологическом и акустическом родстве и на естественной последовательности ассоциируемых с графемами произносительно-слуховых элементов. Поэтому изучение санскритского алфавита может служить прекрасным введением в общую фонетику».²

Другим направлением развития лингвистических знаний было учение о значении слов, составление списков синонимов к различным словам священных гимнов, попытки этимологического анализа слов.

Кроме того, следует сказать, что прочтение и анализ древнеиндийских произведений представляет большую трудность для современного исследователя. Понимание древнеиндийской грамматики осложнено, во-первых, тем, что древнеиндийские грамматисты формировали лингвистическую теорию с помощью понятий, не знакомых европейцам, а во-вторых, тем, что индийские трактаты, бытовавшие в устной форме, были построены на основе специально разработанных мнемонических правил, позволявших формулировать правила грамматики с наибольшей краткостью.

Исследование лингвистических терминов древнеиндийской грамматики может служить важнейшим способом знакомства с научной концепцией Панини. Своеобразие индийской лингвистической традиции трудно описать, опираясь на систему понятий европейской лингвистики. Традиционно при составлении европейских грамматик, как и при описании неевропейских языков, использовались понятия звука, слова и предложения (*varṇa* – «звук», *pada* – «слово» и *vākyā* «предложение»). Однако древнеиндийская лингвистическая традиция при построении теории языка опирается на другие лингвистические единицы.

Характерно, что в тексте грамматики Панини нет ни одного определения звука речи (*varṇa*), в то время как имеется несколько различных определений слова (*pada*). Значительная часть лингвистических терминов грамматики Панини представляет собой названия различных типов аффиксальных морфем (именных и глагольных), при помощи которых обеспечивается синтез словоформ санскрита.

Основными морфемами, которые используются при синтезе словоформ в *Aṣṭādhyāyī*, являются глагольный корень, именная основа и многочисленные аффиксы. Понятие корня – *dhātu* («руда, металл, основной элемент») было краеугольным камнем не

только грамматики Панини, но и большинства древнеиндийских грамматиков. Корень являлся основной исходной единицей при построении различных словоформ. Он использовался и при именном, и при глагольном словообразовании.

Наряду с глагольным корнем, важным для грамматической системы санскрита является понятие именной основы – *prātipadika*. Например, *kṛt-taddhita-samāśah* са (*prātipadika*) – «основы, оканчивающиеся на *kṛt* или *taddhita* аффиксы, а также основа сложного слова есть именная основа (*prātipadika*)».

Кроме глагольного корня и именной основы важнейшим понятием в системе грамматики Панини является понятие аффикса (*pratyaya*). Ведь именно разные типы аффиксов играют важную роль при синтезе словоформ. Глагольные и именные основы образуются при помощи так называемых первичных глагольных и именных суффиксов. При дальнейшем производстве словоформы к основам присоединяются флексии (вторичные глагольные и именные суффиксы).

Из этого следует, что в грамматике Панини для обозначения различных типов аффиксальных морфем используются специальные термины. Например, термин *kṛt* обозначает первичные именные суффиксы (присоединяемые к корню), а *taddhita* – вторичные именные суффиксы.

Не удивительно, что слово (точнее, словоформа) определяется у Панини как последовательность определенных морфем. Панини дает следующее определение слова (*pada*): словом является то, что оканчивается на глагольные флексии (*ti□*) или именные флексии (*suP*). Используя термин *pada* при обозначении результата синтеза словоформ, Панини, таким образом, понимает слово как грамматически оформленную единицу, противопоставляя его грамматически неформальной основе (*a□ga*).

Из этого следует, что в основе грамматики Панини лежит принцип образования словоформ при помощи правил-сутр: по определенным правилам мы можем присоединять к корню именные или глагольные аффиксы и получать, соответственно, именные или глагольные словоформы. Словоформа, таким образом, представляет собой строгую последовательность (цепочку) аффиксов, которая составляется по определенной схеме. Важным следствием последовательного синтеза словоформ из исходных морфем является понятие нулевой морфемы – *lopa* («исчезновение»). Понятие нулевой морфемы и сам принцип системного подхода к языку появились в европейской лингвистике не без влияния индийской лингвистической традиции.

Что касается последнего члена традиционной триады, используемой при грамматическом описании (*varṇa* – «звук», *pada* – «слово» и *vākyā* «предложение»), то термин *vākyā*, имеющий в контексте грамматики значение «высказывание, речь», встречается в тексте всего два раза. Не найдя в грамматической системе А□□□*dhy□y□* привычного термина «предложение» как основы синтаксического описания и не обнаружив традиционного перечня типов предложений, европейские грамматисты отрицали наличие синтаксической теории в грамматике Панини.

Однако при изучении *Aṣṭ□dhy□yī* становится ясно, что синтаксис Панини основывается на другом понятии, оно вводится во второй книге грамматики и обозначается термином «*samartha*» («*sam+artha*»). Этот термин значит «синтаксическая и семантическая связь элементов» и имеет довольно широкий смысл. Панини использует его для обозначения связи различных слов в составе словосочетаний, как и для связи частей внутри словоформы. Определение этого термина позволяет предположить, что синтаксические отношения Панини рассматривает вместе с семантическими отношениями, т.е. семантика и синтаксис в учении Панини тесно связаны.

Важной частью грамматики Панини, вводящей также семантический компонент в грамматическое описание, является учение о *karakaḥ* (*kāraḥ*). Любопытно, что европейские лингвисты, которые переводили грамматику Панини (О.Бётлинг, Л.Рену и др.), высказывали разные мнения относительно категорий *kāraḥ*. Наиболее интересным

является мнение о том, что теория о *караках* есть попытка использовать в формальном грамматическом описании семантические категории.

Сильно упрощая, можно сказать, что шесть типов отношений *карака* в грамматике Панини соотносимы с падежами санскрита (кроме Genetivus'a). Во второй книге грамматики Панини приводит примеры отношений различных типов *kāraḥ* и формальных падежных окончаний (*vibhakti*). Однако каждое падежное окончание в тексте грамматики имеет специальное обозначение. Известно, что в грамматике санскрита падежи следовали в определенном порядке и каждый падеж назывался соответствующий порядковым номером:

Типы карака	Падеж
kartṛ («субъект»)	Nom. (prāthamā – первый падеж)
karma («объект»)	Acc. (dvītiya – второй падеж)
kaṛaṇa («орудие или причина»)	Instr. (trītiya – третий падеж)
saṃpradāna («давание»)	Dat. (caturthī – четвертый падеж)
apādāna («отнимание»)	Abl. (pañcamī – пятый падеж)
adhikāraṇa («местонахождение»)	Loc. (saptamī – шестой падеж)

Создается впечатление, что существует полное соответствие определенного типа отношений *kāraḥ* и падежной флексии. Однако далее Панини подробно разбирает каждый тип *kāraḥ* и показывает, что существительные одного типа *kāraḥ* могут иногда оформляться разными падежными окончаниями, т.е. *vibhakti* и *kāraḥ* совсем не являются терминами-синонимами.

Современные исследователи называют разряды *kāraḥ* функциональными классами и считают, что теория о *kāraḥ* является теорией о синтаксических функциях существительных. *Kāraḥ* – это глубинные семантические роли существительных (семантических актанта) при глаголе.

Лингвисты, изучающие древнеиндийскую лингвистическую традицию, отмечали своеобразие и важность понятия *kāraḥ* в грамматике Панини. Учение о *kāraḥ* противопоставляло глубинные семантические отношения между словами и формальные выражения этих отношений падежными флексиями. Исследователи отмечали, что стремление современной лингвистики разграничить внутреннее, глубинное, существующее в структуре языка и внешнее, выраженное формальными средствами, оказывается созвучным идеям Панини, нашедшим отражение в самой древней из известных человечеству грамматик.

Итак, Панини – единственный до середины XX века лингвист, который сопоставил падежные формы и функциональные классы (*kāraḥ*) и показал, что существительные одного функционального класса могут оформляться разными падежными флексиями.

Устный характер передачи знаний, существовавший в древней Индии, способствовал разработке экономных мнемотехнических приемов. Критерий экономности оказал решающее методологическое влияние на сам способ подачи грамматического материала в грамматике и обусловил внутреннюю логику процесса формализации.

Большим достижением индийских грамматистов явилось также стремление к обобщению, к выделению класса лингвистических единиц, к созданию специальных технических терминов для обозначения целого класса элементов.

Требование строгой экономии при составлении сутр было важнейшим принципом составления грамматик, следствием которого были разнообразные приемы описания: пратьяхары, анубандхи, технические обозначения и метаправила (правила, указывающие порядок и способ употребления сутр). Важной предпосылкой формирования технических обозначений и символов явилось открытие индийскими грамматистами понятия класса лингвистических единиц. Системное описание языка опиралось на их способность

объединять лингвистические единицы в классы, распределять по группам, абстрагируясь от конкретных реализаций единиц.

Пратьяхары – сокращенные ряды каких-либо элементов, расположенных в определенном порядке (это может быть список звуков, морфем или даже слов, если порядок единиц в списке фиксирован).

Ярким примером употребления пратьяхар в тексте грамматики являются Шива-сутры. В своей грамматике Панини не обращается к фонетике санскрита, широко представленной в трактатах *pratiçākhā*, так как при описании механизма образования словоформ ему необходимо было подчеркнуть лишь роль звуковых изменений при словоизменении. Поэтому Панини использует в своей работе не алфавит – строгую артикуляционно-акустическую классификацию звуков, а создает новую классификацию, представляющую собой морфонологические классы звуков (Шива-сутры).

Шива-сутры составлены таким образом, что служат двойной цели: во-первых, они представляют собой фонетическую классификацию звуков санскрита, во-вторых, они используются автором для описания фонетики и морфологии санскрита и являются как бы ключом для расшифровки правил, изложенных в грамматике. Состав Шива-сутр не был случайным. Он отражал принцип построения всей грамматики, так как звуки были сгруппированы по их функциям и поведению в процессе формирования морфем и слов. В один класс входили звуки, обладающие одинаковыми свойствами при построении морфем или участвовали в специфических чередованиях, т.е. использовались при описании морфологии санскрита.

Таким образом, можно заметить, что Панини интересуется не описанием звуков речи, а та роль, которую играют классы однородных звуков при описании грамматики санскрита. Изучение фонетических терминов, встречающихся в тексте грамматики Панини, дает основание утверждать, что важной составной частью лингвистической концепции автора была морфонология, которая использовалась при описании санскрита.

Анализ звуков в Шива-сутрах позволяет установить принцип морфемного анализа языка как краеугольный камень построения всего корпуса грамматики Панини. Очевидно, что грамматика Панини представляет лингвистическую теорию санскрита, в основе механизма описания словообразования и словоизменения которого лежит морфонология.

Кроме рядов звуков в Шива-сутрах пратьяхары могут обозначать различные группы аффиксов. Например, пратьяхары *ti* и *suP* обозначают личные окончания глаголов и падежные окончания имен существительных.

Наличие системы технических обозначений, различных пратьяхар и анубандх является отличительной чертой научного стиля Панини. В большинстве случаев именно необходимость расшифровывать символы, «закодированные» в сутрах, создает трудности при чтении и понимании текста *Aṣṭādhyāyī*.

Древнеиндийская грамматика (*yūçakaraṇa* – букв. «расчленение», «анализ») представляла собой описание способов построения словоформ из исходных единиц – морфем. Мы видим, что грамматика называется словом *yūçakaraṇa* – «анализ», расчленение языковых единиц на мельчайшие части (слово, морфема, звук), однако само грамматическое описание посвящено описанию синтеза, т.е. сложению мелких единиц для образования более крупной единицы. В этом нет ничего удивительного, ведь синтез опирается на результаты анализа и возможен только благодаря предварительному анализу, выделению составляющих элементов.

Исходя из того, что морфология обеспечивает построение словоформы языка, а основой морфологии является способность словоформы члениваться на меньшие значимые единицы языка – морфемы, можно утверждать, что грамматика Панини посвящена именно описанию морфологии санскрита, а основным лингвистическим понятием является **морфема**. Интересно, что в грамматике Панини нет общего термина «морфема», а есть термин «корень», «аффикс» и многочисленные термины, обозначающие различные типы аффиксов. Европейская лингвистика, заимствовав у древних индусов понятие о

морфемах, также первоначально оперировала отдельными терминами, обозначающими различные типы морфем. В конце XIX века Бодуэну де Куртенэ пришлось доказывать необходимость введения в лингвистический обиход обобщающего термина «морфема».

Примечания

¹ Vasu Srusa Chandra “The Aṣṭādhyāyī of Pāṇini. Delhi-Varanasa-Patna, 1891.

² Бодуэн де Куртенэ И.А. Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912. С.91.

Литература

Faddegon B. Studies of Pāṇini’s Grammar. Amsterdam, 1936.

Vasu S. Ch. The Aṣṭādhyāyī of Pāṇini. Delhi-Varanasa-Patna, 1891.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912.

Катенина Т.Е., Рудой В.И. Лингвистические знания в древней Индии // История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980.

Волошина О.А. Теория о караках (*kārahah*) в грамматике Панини Aṣṭādhyāyī // Сравнительно-историческое исследование языков: современное состояние и перспективы. М., Изд-во Московского университета, 2004.

А.А. Горбов

(Санкт-Петербургский государственный университет)

«ПРЕСТИЖ» ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1990-х – 2000-х гг.:

РЕАЛЬНЫЙ ФАКТОР ИНТЕНСИФИКАЦИИ ПРОЦЕССОВ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЛИ ПРОБЛЕМА ТОЛКОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЙ ИНОЯЗЫЧНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ?*

Интенсивные динамические процессы, затронувшие лексическую систему русского языка в 1990-е – 2000-е гг. и продолжающиеся в настоящее время, привлекают пристальное внимание лингвистов. При этом в исследованиях, посвященных изучению изменений, происходящих в русской лексике, – см., например, (Крысин 1995, 1996, 2002, 2008, 2010б; Костомаров 1996; Брейтер 1997; Феоклистова 1999) – подчеркивается факт усиления иноязычного влияния на словарный состав русского языка. В частности, отмечается, что в последние два десятилетия имеет место интенсификация процессов заимствования русским языком иноязычных лексических единиц.

Одной из причин данного явления считается тот факт, что «носители языка считают иностранное слово более престижным по сравнению с соответствующим словом родного языка: *презентация* выглядит более респектабельно, чем привычное русское *представление*, *экслюзивный* – лучше, чем *исключительный*, *топ-модели* – шикарнее, чем *лучшие модели*»... (Крысин 2008: 171). С другой стороны, Л.П. Крысин указывает, что «здесь намечается некоторое (разрядка моя – А.Г.) смысловое размежевание «своего» и «чужого» слов: *презентация* – это торжественное представление фильма, книги и т.п.; *экслюзивным* чаще всего бывает интервью или право на что-либо, хотя наблюдается и расширение лексической сочетаемости подобных слов» (Там же).

В связи с высказанными соображениями возникает два вопроса. Во-первых, не до конца ясно, к чему именно в данном случае должно применяться понятие престижа – к языковому значению слов (к какому-либо элементу их концептуального значения или к коннотациям) или к факту их употребления говорящим. Иными словами, имеется ли здесь в виду, что *презентация* как мероприятие более престижна, чем (торжественное)

представление, или употребление говорящим слова *презентация* вместо слова *представление* каким-либо образом способствует повышению авторитета говорящего в глазах слушающего? Во-вторых, встает вопрос оценки степени и характера семантической дифференциации между иноязычными неологизмами и близкими по значению исконными или ранее заимствованными лексическими единицами. Для ответа на оба вопроса необходимо прежде всего точное толкование значений новейших заимствований, что предполагает изучение их функционирования в речи.

Ниже предпринимается попытка уточнить лексические значения некоторых иноязычных неологизмов. Для этой цели дефиниции значений анализируемых слов, приведенные в словарях, соотносятся со значениями, в которых они употребляются в высказываниях, зафиксированных в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) и найденных в сети Интернет при помощи поисковых систем Yandex и Google.

1. *Презентация*

Поскольку данное слово зафиксировано уже в словаре (Ушаков 1939), может возникнуть сомнение в том, что оно является неологизмом. Однако в соответствующей статье этого словаря представлено лишь одно, узкоспециальное, значение – «предъявление, представление ко взысканию» (Ушаков 1939: 733), – вряд ли известное носителям русского языка, не знакомым с финансовой терминологией. В этимологической справке в качестве источника заимствования указан латинский язык (слово-прототип – *praesentatio*). Из 1203 случаев употребления слова *презентация* во всех формах, найденных в основном корпусе НКРЯ, не обнаружено ни одного, где было бы реализовано данное значение. Однако общее число вхождений данного слова, несомненно, свидетельствует о том, что оно широко употребляется в современном русском языке последних десятилетий (примеры, имеющиеся в НКРЯ, относятся к периоду с 1999 по 2007 год).

В словаре (Скляревская 2008) представлены два значения существительного *презентация*: (1) «большой официальный прием (иногда с угощением), устраиваемый фирмой, организацией, предприятием и т.п. с целью рекламы, для ознакомления со своей деятельностью» и (2) «торжественное публичное представление, демонстрация чего-л. (иногда сопровождаемое приемом с угощением)» (Скляревская 2008: 784). Однако контексты употребления данного слова (в 1-м значении) свидетельствуют о том, что *презентация* не обязательно должна быть большой:

- (1) В Риге мы подписали соглашение с латвийским общенациональным каналом, являющимся аналогом российского первого канала. Кстати, здесь же состоялась *небольшая презентация* Единой Лиги ВТБ, и меня очень порадовало то позитивное отношение к соревнованию, которое наблюдается у наших латвийских партнеров. (<http://www.vtb-league.com/ru/news/177/default.aspx>)
- (2) Мы поможем организовать и спланировать мероприятие, обеспечить технической составляющей и провести работу с целевой аудиторией. Будь то *маленькая презентация* в стенах университета, либо презентация нового сингла в концертном зале. (<http://www.muumi.ru/presentations>)

В обязательной торжественности презентации (во 2-м значении) как «публичного представления, демонстрации чего-л.» заставляет усомниться даже речение, иллюстрирующее это значение в словаре:

- (3) Книжки в Интернет покупать? А зачем? Ведь в магазине обычном – в разы интереснее потолкаться. Странички пожелтевшие полистать. Народу умного послушать. Иртеньева за руку подержать на *презентации* его новой книжки. Модус, 2000, № 20 (Скляревская 2008: 784)

Ср. также следующий контекст, где вряд ли уместно без иронии говорить о «торжественности» представления, хотя речь, безусловно, идет об официальном мероприятии:

- (4) Совместная *презентация* подготовленного ООН Всемирного доклада по наркотикам будет проведена А.М. Костой 25 июня, в канун отмечаемого по призыву ООН Международного дня борьбы с наркоманией и наркобизнесом. (Ответы официального представителя МИД России на вопросы российских СМИ в связи с заседанием «круглого стола» по проблеме незаконного транзита афганских наркотиков через территорию России и презентацией Всемирного доклада по наркотикам (2004) // «Дипломатический вестник», 2004.07.27) (НКРЯ)

Кроме того, слово *презентация* нормально сочетается с прилагательным *торжественная*, что косвенно подтверждает предположение о как минимум факультативном характере элемента торжественности в значении самого рассматриваемого слова:

- (5) Отборочная команда постаралась вовсю: российские премьеры фильмов «Взгляд Улисса» Тео Ангелопулоса и «Свидания в Париже» Эрика Ромера, *торжественная презентация* «Над облаками» Микеланджело Антониони, чествования Джини Лоллобриджи, Барбары Брыльской и любимицы «Кинотавра» Сильвии Кристель. (Сергей Добротворский. Новый кинофестиваль в Москве (1996) // «Коммерсантъ-Daily», 1996.01.17) (НКРЯ)

При этом следует отметить, что приведенные в словаре два значения слова весьма близки друг другу. По существу, эти значения можно объединить в одно: «публичное мероприятие (иногда сопровождаемое приемом), устраиваемое для ознакомления общественности или заинтересованных лиц с чем-л. недавно созданным и/или для представления/демонстрации/рекламы чего-л. нового».

В сети Интернет и в НКРЯ имеются также многочисленные примеры употребления слова *презентация* в значениях, не зафиксированных в словаре (Скляревская 2008), однако также достаточно характерных для узуса последних десятилетий. В частности, в примерах 6 и 7 реализуется значение «деятельность, направленная на представление публике чего-л., показ чего-л. в выгодном свете – товаров (особенно новых), результатов проделанной работы, достижений и т.п.», в примере 8 – «мультимедийный информационный продукт, позволяющий сообщить необходимые сведения о чем-л. в удобной для получателя форме», в примере 9 – «устное информационное сообщение (иногда с применением мультимедийных средств)», ср.:

- (6) Необходимы адресация и *презентация* сделанного, его «публикация», а их эффекты не предопределены. (Б. Д. Эльконин. Действие как единица развития (2004) // «Вопросы психологии», 2004.02.10) (НКРЯ)
- (7) Новое предложение для российского рынка — изолированные стеклянные двери и фронты — камера и витрина одновременно: хранение товарного запаса, *презентация товаров*, пополнение выкладки без выхода в торговый зал. (Международная выставка в новом центре «Крокус Экспо» (2004) // «Мясная индустрия», 2004.08.23) (НКРЯ)
- (8) Хорошим вариантом коммерческого ролика, промотирующего конкретную услугу, место или продукт, может быть ролик-*презентация* (например, ролик «РОСНО», где персонаж в сопровождении картинок и цифр рассказывает о преимуществах ОСАГО). (Владимир Ляпоров. Маркетинг: правильная работа (2004) // «Бизнес-журнал», 2004.03.16) (НКРЯ)
- (9) В ходе заседания Анатолий Чубайс выступил с *презентацией*, в которой дал оценку текущего состояния и той роли, которую крупный бизнес играет в инновационной экономике. (<http://www.chubais.ru/news/view/5246/>)

Легко видеть, что слово *презентация* в действительности обладает гораздо более широким спектром значений, чем можно судить по словарю. Дефиниция «публичное представление чего-н. вновь созданного (фильма, печатного издания, предприятия и

т.п.)», представленная в словаре (Крысин 2010а)¹, охватывает лишь часть, хотя и весьма значительную, этого спектра: слово *презентация* далеко не во всех случаях синонимично слову *представление*, а тем более (вопреки упомянутому выше предположению Л.П. Крысина о направлении возможного смыслового размежевания этих двух слов) словосочетанию *торжественное представление*.

По-видимому, в данном случае мы имеем дело с так называемым вторичным заимствованием (об этом понятии см., напр. (Крысин 2008: 175–176)): в конце XX века слово *презентация* вошло в состав общеупотребительной лексики современного русского языка в результате заимствования из английского языка слова *presentation* в следующих значениях: «an event at which you describe or explain a new product or idea» (Longman) ‘событие/мероприятие, в ходе которого кто-либо описывает новый предмет или разъясняет новые идеи’², «a speech or talk in which a new product, idea, or piece of work is shown and explained to an audience» (Oxford) ‘доклад или сообщение, в котором аудитории представляют новое изделие, идею или результат выполненной работы, и дают разъяснения’, «a talk giving information about something» ‘сообщение, содержащее информацию о чем-либо’ (Cambridge). Кроме того, также под влиянием английского языка (*multimedia presentation*) слово *презентация* стало употребляться в значении «мультимедийный продукт, сопровождающий либо заменяющий устное сообщение, и позволяющий передать информацию получателю в наиболее удобной для восприятия форме».

Не случаен тот факт, что вторичное заимствование слова *презентация* происходит в тот период, когда публичные выступления с целью привлечения внимания целевых аудиторий к той или иной деятельности, повышения популярности той или иной идеи, рекламы новых товаров и услуг и т.п. становятся одним из важных видов дискурса. В «дворянский» период подобный вид речевой деятельности столь широко не практиковался. Характерно, что и сегодня те виды публичных выступлений, которые были достаточно широко распространены до 90-х годов XX века, презентациями не называются. Например, выступление на научной конференции – это *доклад* или *сообщение*; под *презентацией* в такой ситуации подразумевается не само устное выступление, а компьютерный файл с сопровождающими доклад материалами, предназначенными для показа при помощи проектора (обычно в формате MS PowerPoint).

Таким образом, словом *презентация* обозначается относительно новый, однако получивший в последние годы широкое распространение вид коммуникации, существенными характеристиками которого, помимо информационно-ознакомительного характера, являются публичный характер и направленность на облегчение восприятия аудиторией передаваемой информации, а также (чаще всего) показ объекта и/или отправителя сообщения в выгодном свете.

Из сказанного выше следует, что слово *презентация* в современном русском языке обладает своим собственным концептуальным ядром лексического значения и своей сферой употребления, которые не совпадают со значением и сферой употребления близких по значению слов *представление*, *доклад*, *сообщение*. В связи с этим вторичное заимствование этого (латинского по происхождению) слова из английского языка представляется для русского языка совершенно естественным и оправданным, в то время как предположение о «большем социальном престиже» иноязычного слова как о причине выбора для обозначения соответствующего денотата заимствованной, а не исконной лексической единицы вызывает сомнения. Причиной создающегося здесь впечатления «престижа» слова или факта его употребления говорящим может быть реальный социальный престиж денотата этого слова – явления, связанного с западной цивилизацией и системой ценностей.

2. *Топ-модель*

К аналогичным выводам приводит и сопоставление композита *топ-модель* со словосочетанием *лучшая модель*. Определительный компонент *топ-* заимствован из английского языка, в котором соответствующая именная основа *top* (от существительного методом конверсии образуется соответствующее прилагательное) имеет исходное значение ‘верх’ и целый ряд выводимых значений, образованных в результате метафорических переносов. Среди значений прилагательного *top* имеется и значение ‘лучший’, однако качество в этом случае оценивается не непосредственно, а с точки зрения успешности, положения в рейтинге, либо с точки зрения места в иерархии, принятой в обществе и задающей его ориентацию на соответствующие образцы. Именно в этом значении основа *топ-* употребляется в русском языке в качестве атрибутивного компонента именных композитов, а также в прилагательном *топовый*.

Таким образом, *топ-* обозначает ‘занимающий высшее (или одно из самых высоких) положение в каком-либо рейтинге либо в иной социально релевантной иерархии и потому престижный и дорогой или высокооплачиваемый’. *Топ-менеджер* – это не обязательно лучший руководитель, но обязательно высокооплачиваемый и высокопоставленный руководящий сотрудник крупной организации, *топ-модель* автомобиля – это модель в самой дорогой, но не обязательно в лучшей по соотношению цены и потребительских качеств комплектации, *топ-модель* в индустрии моды – это самая высокооплачиваемая и престижная модель (или одна из самых высокооплачиваемых и престижных моделей), внешность которой служит образцом для многих женщин, причем конкретные характеристики этого образца изменяются во времени, ср.:

(10) В 1960-е годы модный бизнес преподнес публике совершенно новый тип женщины. Таких еще не было: Твигги — 17-летняя девочка из Лондона, бесконечно длинная, с ногами аистенка, первая из *топ-моделей*, которой подражало целое поколение юных девушек. (Елена Голованова. Я опять во сне летал... (2002) // «Домовой», 2002.03.04) (НКРЯ)

При этом интересно также отметить, что прилагательное *лучший* в сочетании с существительными в форме единственного числа тяготеет к выражению суперлативного качественного значения, тогда как значение компонента *топ-* в составе именного композита выражает либо безотносительно высокую степень качества (и в этом случае компонент *топ-* синонимичен прилагательному *топовый*), либо вообще приближается по значению к относительным прилагательным, сужая и уточняя значение вершинного существительного.

Так, *лучшая модель* является безусловно самой хорошей, тогда как *топ-модель* автомобиля или компьютера – возможно, лишь одна из самых дорогих и богато укомплектованных (компонент *топ-* имеет здесь значение, синонимичное значению прилагательного *топовый*), ср:

(11) ASRock P55 Deluxe3 – *топ-модель* для процессоров Intel LGA 1156 (<http://www.gigamark.com/content/view/5105/2/>)

(12) Теперь *топовая модель* MacBook Pro 15" в стандартной конфигурации может похвастаться процессором Intel Core Duo с тактовой частотой 2.66 ГГц, что немного больше, чем в предыдущей модели (2.53 ГГц). Однако если вы хотите использовать всю мощь своего MacBook Pro по максимуму, за дополнительные 300 долларов вы можете заказать собственную конфигурацию ноутбука с процессором Intel Core Duo 2.93 ГГц. (<http://www.imtime.ru/publication?id=8720>)

Что же касается композитов *топ-модель* (профессия в индустрии моды) и *топ-менеджер*, то в этих случаях компонент *топ-* выражает уже скорее не качество, а классифицирующий признак, и не может быть заменен прилагательным *топовый*. *Топ-модель* (супермодель) – это, согласно статье Википедии (Wikipedia)³, модель, сотрудничающая «с крупными компаниями, контракты с которыми превышают миллион долларов». *Топ-менеджером* может быть назван только член высшего руководства (например, правления или совета директоров) крупной компании: в этом его отличие как

от менеджера среднего звена, так и от директора малого предприятия. Препозитивный компонент *top-* в рассматриваемых композитах по типу выражаемого значения приближается к классифицирующим прилагательным в составных названиях должностей и званий типа *старший преподаватель* или *заслуженный артист*. Отличие заключается лишь в несколько меньшей четкости и определенности значения атрибутивного элемента *top-*, что объясняется, по-видимому, неофициальным характером статуса *top-модели* или *top-менеджера*, и, соответственно, отсутствия однозначных критериев его определения.

Приведенные соображения подтверждают, как представляется, предположение о том, что основа *top-*, заимствованная из английского языка, обладает, как и слово *презентация*, своим собственным лексическим значением, отличным от значений слов, имевшихся в русском языке до времени заимствования. Факт заимствования объясняется здесь не большей престижностью самого иноязычного слова, а релевантностью для современной жизни комплекса признаков статуса, включающего в себя, прежде всего, положение в рейтинге и оценку в денежном выражении, что влечет за собой потребность в наименовании всего этого комплекса одной лексической единицей (в данном случае, по-видимому, мы имеем дело с основой, способной выступать в качестве атрибутивного компонента именного композита, образованного методом синтаксического основосложения).

3. Эксклюзивный

Анализ значения прилагательного *эксклюзивный* в русском языке также подтверждает предположение о том, что иноязычные неологизмы не являются лишь более престижными эквивалентами исконных и ранее заимствованных слов.

Значения слов *эксклюзивный* и *исключительный* в современном языке не совпадают не только в части коннотаций, но и в части собственно концептуального ядра.

Так, только прилагательное *исключительный* употребляется в значении 'представляющий собой исключение из общих правил, обычных норм' (МАС) (например, в сочетании *исключительный случай*), а также в значении 'особенный, необыкновенный, редкий' при характеристике степени проявления какого-либо качества или признака (*исключительная функциональность, исключительная долговечность*) даже в рекламе дорогих, престижных и, возможно, «эксклюзивных» товаров:

- (13) **Исключительная** контрастность, захватывающее качество изображения. Технология LED Pro использует отдельно управляемые светодиоды для точной настройки необходимого уровня подсветки. Насыщенные черные и чистые белые детали — **исключительный** уровень контрастности и четкости плюс низкое энергопотребление (http://www.europe-tv.ru/article/?body=philips_led_ver1)

С другой стороны, существуют контексты, в которых нельзя заменить слово *эксклюзивный* словом *исключительный*. Такая замена невозможна, помимо таких сочетаний, как *эксклюзивное интервью* и *эксклюзивный дистрибьютор*, во всех случаях, где данное прилагательное употребляется в значении, соответствующем одному из значений английского прилагательного *exclusive* – 'catering for or available to only a few, select customers; high class and expensive' ('предназначенный для немногих избранных клиентов, или доступный только таким клиентам; высококлассный и дорогой')(Oxford), ср.:

- (14) Кроме *эксклюзивного* постельного белья марок Yves Delorme, Pierre Frey, Kenzo, в отделе «Текстиль для дома» представлена новая для Москвы марка швейцарского белья Schlossberg и Billerbeck (одеяла и подушки на гагачьем пуху). (Бижутерия для дома (2004) // «Мир & Дом. City», 2004.04.15) (НКРЯ)
- (15) Мануфактура «Silvano Lattanzi» является лучшим итальянским производителем и признанным мировым лидером по пошиву *эксклюзивной* обуви класса люкс по индивидуальным меркам. (<http://www.silvanolattanzi.su/sl.htm>)

В словарях современного русского языка даются следующие толкования прилагательного *эсклюзивный*: «исключительный, составляющий исключительную принадлежность» ((Крысин 2010а: 907)); «предоставленный только одному лицу или организации, не имеющий повторения» и «исключительный, крайне редкий, единственный в своем роде; самый лучший, предпочтительный» (обе дефиниции – (Скляревская 2008: 1090)). Интересно отметить, что последнее из приведенных значений в словаре под редакцией Г.Н. Скляревской иллюстрируется цитатой из романа Б. Акунина «Алтын-толобас»: *Сразу было видно, что клуб был в высшей степени эксклюзивный, и абы кого сюда не пустят*; однако в данном случае речь, безусловно, идет не о редкости, единственности или предпочтительности клуба, а о том, что этот клуб является заведением особо высокого класса и его членами могут быть только очень состоятельные люди, принадлежащие к элите общества.

При этом рассматриваемое значение у прилагательного *исключительный* полностью отсутствует. Следовательно, между значениями слов *эсклюзивный* и *исключительный* выявляются расхождения денотативного характера, не имеющие отношения к большей или меньшей престижности употребления того или иного из этих слов.

Таким образом, «престижность» иноязычных неологизмов как языковых единиц не представляет собой причину заимствования, а является вторичным эффектом, который создается, как отмечалось выше, престижностью денотата, связанного с новыми для носителей русского языка ценностными ориентирами⁴. Выбор русским языком заимствования как пути пополнения словарного запаса представляется в данном случае совершенно естественным, поскольку источником заимствования является язык тех культур, в которых эти ценностные ориентиры доминируют, и в этом языке уже имеются однословные наименования для соответствующих денотатов.

Адекватное описание причин интенсификации процессов заимствования русским языком иноязычной лексики предполагает наличие точных толкований лексических значений иноязычных неологизмов и их соотнесение со значениями соответствующих слов, представленными в языке-источнике на момент заимствования.

Недостаточно четкое понимание отличий денотативных значений новых заимствованных слов от значений близких по смыслу исконных и ранее заимствованных лексических единиц приводит, как кажется, к преувеличению роли социально-психологических причин заимствования русским языком иноязычной лексики и признанию иноязычных неологизмов «престижными» дублетами исконно русских слов.

Примечания

¹ Данное значение приведено вторым (и последним), после узкоспециального значения «предъявление переводного векселя лицу, обязанному оплатить его (*трассату*)» (см. (Крысин 2010а: 619)).

² При этом следует отметить, что слово *представление*, в отличие от слова *презентация*, в русском языке вряд ли может означать какое-либо *мероприятие* (кроме, разве что, театрального спектакля); оно означает лишь деятельность, которая является основным содержанием *презентации*, ср.: *Презентация проводилась с целью продвижения на рынок высокопрочного крепежа (ВПК), соответствующего недавно введенному ГОСТ Р 52643-2006...* (<http://www.metaldaily.ru/news/news22067.html>) при невозможности **Представление проводилось с целью продвижения на рынок высокопрочного крепежа...*

³ Заглавным словом статьи является слово *супермодель*; композит *топ-модель* дан в скобках как абсолютный синоним. По некоторым наблюдениям, однако, композит с препозитивным элементом *топ* характеризуется более высокой и частотностью употребления: в НКРЯ соотношение количества вхождений слова *топ-модель* в два раза превышает количество вхождений *супермодель* (102 и 51 соответственно); примерно такое же соотношение демонстрируют результаты поиска в системе Yandex.

⁴ Впрочем, признак «престижности» иногда переносится собственно на слово с его денотата, что приводит к употреблению слова для создания эффекта положительной оценки в определенных речевых жанрах и типах текстов, где особое значение имеет фактор моды. Данное явление в отношении прилагательного *эсклюзивный* описано, в частности, М.А. Кронгаузом (Кронгауз 2008: 27–32). Тем не менее, мода на слово проходит, и частотность его употребления в рекламе и глянцевого журналов снижается, однако слово остается в словарном составе языка и продолжает употребляться в соответствии с его денотативным значением.

Литература

- Брейтер М.А. Англицизмы в русском языке. Владивосток, 1997.
- Костомаров В.Г. Русский язык в иноязычном потоке // Русский язык за рубежом. 1996. №2.
- Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2008.
- Крысин Л.П. Языковое заимствование: взаимодействие внутренних и внешних факторов (на материале русского языка современности) // Русистика сегодня. 1995, № 1. С. 117 – 134.
- Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995) / Отв. ред. Е.А. Земская. М., 1996. С. 142 – 161.
- Крысин Л.П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопр. Языкознания. 2002, № 6. С. 27 – 39.
- Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2010 (а)
- МАС – Словарь русского языка в четырех томах. Т.1. М., 1985.
- Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX – XXI веков / Отв. ред. Л.П. Крысин. М., 2008.
- Современный русский язык: Система – норма – узус / Отв. ред. Л.П. Крысин. М., 2010 (б)
- Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складневской. М., 2008.
- Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 3. М., 1939.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4т. Т. 1 (А – Д). СПб., 1996
- Феоклистова В.М. Иноязычные заимствования в русском литературном языке 70 – 90-х гг. XX века. АКД. Тверь, 1999.
- НКРЯ – <http://ruscorpora.ru/>
- Cambridge – <http://dictionary.cambridge.org/>
- Wikipedia – <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%83%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D1%8C>

М.В. Зеликов

(Санкт-Петербургский государственный университет)

МЕДИАЛЬНО-КАУЗАТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИБЕРО-РОМАНСКИХ МОДЕЛЕЙ С SE КАК КОМПОНЕНТ БАЗОВОЙ ЗАЛОГОВОЙ ДИХОТОМИИ АКТИВ–МЕДИЙ

Анализ конкретных S-P-O отношений в иберо-романском высказывании указывает на невозможность классификации многих конструкций с se как медиальных (или конструкций среднего залога). Так, например, в качестве медиальной рассматривается неопределенно-личная / псевдопассивная испанская модель (1) *Este libro se lee fácilmente* (Fernández Rodríguez 1987) «Эта книга читается легко / Эту книгу легко читать / читают легко». Еще менее приемлемым является отнесение se исключительно к возвратным местоимениям, имеющее место, например, в (Roldan 1971; Schrotten 1972; Martin 1979), т.е. в работах генеративного направления, в которых S-P-O отношения преимущественно нивелируются. Так, отечественные романисты-культурологи, разделяющие это положение, относят к «возвратным глаголам» *irse* «уезжать» и *olvidarse* «забывать» (Воробьев, Потапушкин 2009: 30), игнорируя, таким образом, принципиальную разницу в выражении ими логико-грамматических отношений. Между тем, факт структурного и семантического разнообразия различных конструкций, в образовании которых принимает участие se, неоднократно экспонированный в различных исследованиях (Sánchez López 2002: 143), является очевидным и в доказательстве не нуждается.

Столь же неудачной представляется и противоположная точка зрения, согласно которой «рефлексивы (являющиеся разновидностью медиа – М.З.) ... не могут относиться к категории залога на том основании, что их показатели могут сочетаться (совмещаться) в

одной форме с показателями пассива» (Храковский 2009: 266; Мельчук 1991: 63). Так, например, в иберо-романских залоговых моделях *se* является показателем не только медиальных и пассивных, но также псевдопассивных, личных и неопределенно-личных (активных), безличных, каузативных и даже, как считают некоторые исследователи, «эргативных» образований, выражающих различные модификации S-P-O отношений в предложении-высказывании, а также маркирующие некоторые характеристики, связанные с категорией аспектуальности (ср. личную субъектную модель (2) *Juan se va* «Хуан (сейчас) уходит»).

Всего можно выделить около 30 моделей с частицей *se* (Зеликов 2004). Значительную составляющую этой внушительной парадигмы образуют медиальные и каузативные предложения, противопоставленные по критерию активности / инактивности (инертности) или наличию/отсутствию контроля. Модели типа (3) *Juan se afeitó (con la navaja)* «Хуан бреется (бритвой)» (внешний контролируемый процесс) являются личными медиальными образованиями *rag excellence*. Тем не менее в личных медиальных предложениях типа (4) *Juan se alegró* «Хуан обрадовался» или (5) *Juan se odia/ama* «Хуан ненавидит/любит себя» степень контролируемости внутреннего процесса ниже. Что касается всех каузативных предложений, то в них можно отметить полное отсутствие контроля (инактивность). Так – в моделях с эксплицитным: (6) *Tu rostro se quemó con el sol* «Твое лицо обгорело на солнце» (= *El sol hizo quemarse tu rostro*) и имплицитным каузативом: (7) *Tu ropa se secó* «Твоя одежда высохла»; (8) *El vaso se rompió* «Стакан лопнул»¹; (9) *Juan va a ponerse una inyección* «Хуан собирается сделать (себе) укол». Следует при этом отметить, что каузативы примеров (7) и (8) (метеоусловия и внутреннее давление, соответственно) в отличие от каузатива примера (9) одушевленными не являются. Что касается (9), то укол Хуану делает одушевленный агенс. Омонимия (*Хуан собирается сделать себе укол лично* – личная активная модель) полностью снимается в аналогичных предложениях с обстоятельственным аргументом: (10) *Juan se afeitó en la barbería* «Хуан бреется в парикмахерской» (т.е. «Хуан бреет парикмахер») ≠ медиальному² *Juan se afeitó*.

Таким же неполным (компрессивным) является португальское инструментально-каузативное предложение (11) *O João feriu-se com o abre-latas* «Жуан поранился открывашкой», в котором *se* португальские и испанские (ср. исп. (12) *Juan se hirió con el abrelatas*) грамматисты рассматривают как просто рефлексивное, не отделяя его от *se* в медиальном (13) *O João lavou-se com o gel* (= исп. (14) *Juan se lavó con el gel*) «Жуан помылся гелем». Контроль, отсутствующий в примерах (11) и (12), появляется лишь при восстановлении прямого объекта, приводящего к образованию личного активного предложения (15) *A abrir a lata o João feriu-se com o abre-latas* (= исп. (16) *Juan se hirió abriendo la lata*) «Жуан поранился, открывая банку». Таким образом, модели (11) и (12) указывают на причинный, а (15) и (16) – на следственный фрагмент каузативной ситуации³.

Отмечая «инертивную функцию медиа», т.е. «функцию обозначения каузируемого состояния», И.А.Перельмуттер приводит такие глагольные формы, как *лопаться* и *огорчаться* (Перельмуттер 1993: 53). Как представляется, настоящее противопоставление полностью тождественным не является. В отличие от *лопаться* (ср. (8) *El vaso se rompió* с отчетливым значением внутренней агентивности (агенс – горячая вода) и имплицитной каузации) глагол *огорчаться* (то же – *печалиться*, *радоваться* и пр.) предполагает наличие каузатива (реального агенса), эксплицитированного в форме косвенного (одушевленного/неодушевленного) объекта – экспериенцера (т.е. одушевленного субъекта, не контролирующего свои действия) (Sánchez López 2002: 93-94). Ср.: (17) *Juan se afligió (de su conducta)* «Хуан огорчился (ее поведением)»; (18) *Juan se compadece de/a sus amigos* «Хуан сочувствует своим друзьям»; (19) *Juan se ha alegrado (de las noticias)* «Хуан обрадовался (новостям)»; (20) *Juan se rio (del chiste)* «Хуан посмеялся (над анекдотом)» как вариант (5) с указанием причины веселья и др.

Также отметим, что модели с глаголами, выражающими эмоциональную реакцию на внешнее воздействие, которые неоправданно классифицируются как «антипассивные» (Masullo 1990) ⁴, следует отделять от моделей с глаголами психической реакции (типа *забывать, помнить*), которые указывают не на каузативное воздействие кого-то на что-то извне, а на внутреннюю мотивацию субъекта (*забывание* и *воспоминание* как следствие особенностей психики, а шире – сознания субъекта). Ср.: (21) Juan se acordó/olvidó de su promesa «Хуан вспомнил/забыл о своем обещании». То же отсутствие контроля можно отметить и при обозначении изменения состояния субъекта: (22) Juan se durmió «Хуан заснул». Каузатором в этом случае является реакция-следствие субъекта на усталость, долгое бодрствование и недосыпание, снотворное, алкоголь, гипноз и пр.

Модели предложений, представленные примерами (17-22), в которых имеет место обозначение каузируемого состояния субъекта, можно квалифицировать как *медиально-каузальные*. Они занимают промежуточное положение между *собственно-медиальными*, представленными примерами (3-5), и *каузативными* моделями (примеры (6-16)). Если в медиальных составляющих настоящей парадигмы контроль (активность) субъекта над процессом имеет место, а в каузативно-медиальных допускается (процесс в обоих случаях развивается в самом субъекте), полностью инактивный одушевленный/неодушевленный субъект в собственно каузативных образованиях, как это уже было отмечено выше, сам оказывается объектом воздействия эксплицитного/ имплицитного агенса-каузатора.

Факт категориально-залоговой состоятельности медиа (субъектива) – формы участия субъекта в глагольном действии как месте процесса («изменяющемся сценарии» (Fernández Ramírez 1987: 391)), имеющем свое начало и конец в самом субъекте, хорошо исследованный в (Reichenkon 1933; Vendreys 1948; Benveniste 1966; García 1975; Geniušienė 1987; Kemmer 1993 и др.), является несомненным. Ярким примером его морфологической самостоятельности является его функционирование в древнегреческом, в котором «классические» рефлексивные формы использовались как в собственно медиальных (23) *Loúmai* «Я моюсь», так и в двухактантных конструкциях типа (24) *Loúmai tú nymátia* «(Я) мою свои/себе одежды». Доказано также, что формы пассива, составляющие «центральную залоговую оппозицию (Храковский 2009: 266) в индоевропейских языках, развились именно из медиа ⁵.

О значении медиа как первичной залоговой категории свидетельствует и тот факт, что именно он («просессивный медий») может развиваться в рефлексивный медий, пассив и статив и обладает наиболее полным пучком дифференциальных признаков, характеризующих глагольное действие в рамках диатезы (А.Эрхарт). Цит. по (Красухин 1987: 23).

Говоря о сущности медиа как о важнейшей составляющей древней залоговой оппозиции с активом, нельзя не отметить его глубокую связь с каузативностью – каузальностью. Как известно, в древнейшей индийской грамматике медий именовался *ātmanē-padam*, т.е. «словоформа, относимая к самой себе». Компонент *ātman* букв. «дыхание» использовался также для обозначения субъективного, психического начала – всеобщей основы и *первопричины*, пронизывающей все сущее ..., выступающего в соотношении с объективной первичной реальностью – брахманом (МНМ, I: 122). Действительно, процесс, отмечаемый в собственно медиальных моделях (примеры 3-5), контролируется субъектом только на поверхностном уровне: бритье бороды и чувства, испытываемые субъектом *ad ipse*, предопределены внешними или внутренними причинами, которые, в отличие от медиально-каузальных и собственно каузативных моделей, просто никогда не эксплицируются.

О неразрывной связи медиа и каузатива свидетельствуют множественные данные древних и современных языков, в том числе и индоевропейских. Ср. балтийскую оппозицию *meĩkti* «мочить» – *miĩkti* «начать размокать (о вещи)», которой «в греческом соответствует целая группа парадигм..., соединяющих медиальное ... значение с ...каузативным» (Степанов 1989: 175, 211). Здесь же – русские пары типа *стынуть* –

студить, гибнуть – губить, (у)мереть – морить, стать – ставить и др., также приводимые Ю.С. Степановым (Там же). О совмещенной каузативности-медиальности в одной основе свидетельствует тохарск. *wāk* – «разделять» и «лопаться» (Там же).

Как отметил И.А. Мельчук, «представить себе язык, в котором семантический элемент “каузировать” не играл бы особую роль ... трудно» (Мельчук 1991: 75). В этой связи существующее в современном языкознании глобальное разделение глагольных форм как «суперлексем» на каузативы и декаузативы (А.А. Холодович) представляется чрезмерно обобщенным. Нивелируя вопрос о реальных S-P-O отношениях, эксплицируемых в высказывании глагольных процессов, эта поистине глобалистическая демаркация может быть признанной значимой только для начала анализа. Так, *радуется*, противопоставляемый каузативу *радует*, является не только декаузативом (Крылов 2004: 261), но и одной из разновидностей каузально-медиальных моделей. Действительно, выходя за рамки категории залога⁶, эксплицируемой разнообразными конфигурациями S-(P)-O отношений, маркированных различными диатезами, каузатив (шире – каузальность), является знаменателем любых таких отношений. Предопределяя все процессы их протекания, каузативность-каузальность представляет надзалоговую понятийно-грамматическую суперкатегорию, которую можно представить в виде определенной шкалы, предполагающей выявление той или иной степени понудительности субъекта в осуществляющемся глагольном процессе (сценарии). На этой шкале можно выделить три уровня понудительности: «высший», «промежуточный» и «низший»⁷. Понудительность «высшего» уровня предполагает наибольшую конденсацию каузативности, которая имеет место в собственно каузативных моделях. Субъект здесь оказывается объектом (воз)действия эксплицитного/имплицитного агенса-каузатора. То же по существу имеет место в безличных предложениях. «Промежуточный» уровень понудительности может быть отмечен в каузально-медиальных моделях (эмоциональная реакция субъекта здесь каузируется извне, а психическая мотивируется изнутри). «Низший» уровень понудительности фиксируется в собственно-медиальных, активных (личных и неопределенно-личных) и пассивных (как трансформированно активных) моделях. Активные действия субъекта здесь – следствие необходимости желаний и чувств. В этом случае также можно говорить о ближайшем типологическом сходстве с феноменом эргативной конструкции, предполагающей использование любых «не-номинативных» (косвенных, каузированных) моделей. Одним из ярких примеров ее является функционирование моделей с глаголами чувств (аффективами) в эргативных языках. Так, еще в 30-х гг. XX в. представительница Санкт-Петербургской филологической школы С.Л. Быховская, анализируя древнегрузинскую аффективную конструкцию *и-quart* «он любит вас», писала, что «показатель множественности *-t* относится здесь к источнику, *причине*, вызвавшей любовь, и указывает на то, что эта причина является активной ... Каждое чувство, каждое ощущение человек приписывал сознательному воздействию на него со стороны какого-нибудь существа или силы ... (Быховская 1935: 181-182). О «состоянии, в котором человек находится не по своей воле», говорят и аффективные обороты типа чеченск. *Мне любится брат* (она же 1936: 64-65).

Любовь как важнейшее чувство, выражаемое в формах субъектива-медия (примеры 3-5), или *желание* как изначально творящая сила выступает уже в древнеиндийской традиции («Ригведа») и персонификацией ее является великий перворожденный бог Кама (санскр. *kāma* «любовь») (Камасутра 1993: 14). Желание составляет один из трех регистров греческой культуры, а представление о любви, равно как и ненависти, как о креативных силах, движущих всем миром, укореняются в антропоморфизме ранней греческой философии. Так, действием любви и ненависти объяснял движение материи Эмпедокл (V в. до н.э.) (Ковалев 1937: 217). Позже великое антитетическое *Odi et amo* римского неотерика Катутлла составит квинтэссенцию величайших произведений мировой литературы.

Медиально-активная залоговая оппозиция как противопоставление активности в границах субъекта (самосознание и изменение в связи с миропониманием и мировосприятием) – активности, выходящей за его пределы (мироизменение и мировзятие), по-прежнему является центральной. Пассивное осмысление субъектно-объектной активности составляет лишь перифразу, трансформацию, продиктованную той или иной прагматической необходимостью⁸, а каузативность является постоянным (эксплицитным/имплицитным) знаменателем базовой медиально-активной дихотомии.

Примечания

¹ Предложения последнего типа также иногда, без достаточных на то оснований, рассматриваются как «эргативные». См., например (Masullo 1990: 179).

² Агентивная роль Хуана в настоящем предложении с «клитиком se» является не более значительной, чем у субъекта-подлежащего такого же компрессивного предложения (без «клитика se») как Carlos III construyó la Puerta de Alcalá (Sánchez López 2002: 79) «Карлос III построил Пуэрта де Алкала».

³ Приведенная констатация оказывается важной для теории текста при рассмотрении вопроса об анафорических связях. Так, в примерах (11) и (12) se не просто соотносится с субъектом, как это обычно отмечается, а указывает на неконтролируемую субъектом ситуацию, в которой он оказывается пациентом.

⁴ О бессмысленности этого термина в связи с тем, что сам «пассив – это всегда производный залог» см. (Мельчук 1991: 69). Таким же недопустимым является мнение гийомиста Ж. Стефанини, согласно которому «медий является залогом, синтезирующим в себе актив и пассив» (Stefanini 1962: 911).

⁵ Так, в частности, при рассмотрении соотношения между «активом», «средним залогом» и «пассивом» отмечается, что греческое существительное *πάθος*, давшее название «пассиву», непосредственно связано с «медием» («чувство, страсть») (Andersen 1989).

⁶ См. конкретное заключение о том, что «каузативное преобразование не является залоговым», к которому приходит Е.Е. Корди (Корди 2004: 24).

⁷ Если говорить о наличии/отсутствии контроля, то можно отметить обратную пропорцию: полное отсутствие (инактивность) – попытки осуществления – максимальное присутствие (активность).

⁸ О пассивном преобразовании как об одном из проявлений грамматической эвфемии см. (Якушкина 2009: 114-119).

Литература

- Fernández Ramírez S.* Gramática Española. Madrid, 1970.
- Roldán M.* Spanish Constructions with *se* // Language Sciences. 1971. V.18. P.15-29.
- Schroten J.* Concerning the Deep Structures of Spanish Reflexive Sentences. La Haya, 1972.
- Martin J.W.* Spanish Reflexives and Conventions of Interpretation // Romance Philology. 1979. V.33/1.
- Воробьев В.В., Потанушкин Н.А.* Русский дискурс в лингвокультурологическом сопоставлении с испанским / Актуальные проблемы современного языкознания. Сб. статей посв. 80-летию профессора Н.М.Фирсовой. М.: РУДН, 2009. С. 24-31.
- Sánchez López C.* Las construcciones con *se*. Madrid, 2002.
- Храковский В.С.* Залог: изменение традиционных представлений во второй половине XX века // Научное наследие В.Г. Адмони и современная лингвистика. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.Г. Адмони. СПб.: РАН ИЛИ, 2009. С.265-267.
- Мельчук И.* Еще раз к вопросу об эргативной конструкции. // ВЯ. 1991/4. С.46-88.
- Зеликов М.В.* Функциональная парадигма местоименной частицы *se* в испанском языке // Герценовские чтения. Иностранные языки. Материалы конференции. СПб.: РГПУ, 2004. С.8-9.
- Перельмуттер И.А.* Функционально-семантическая эволюция индоевропейского медия // ВЯ. 1993/2. С.50-57.
- Masullo P.J.* Antipassive Constructions in Spanish // Romance Languages & Modern Linguistic Theory. Amsterdam-Philadelphia, 1990. P.175-194.
- Stefanini J.* La voix pronominale en ancien et en moyen francais. Aix-en-Provence. 1962.
- Reichenkron G.* Passivum, medium und reflexivum in den romanischen sprachen. Jena, 1933.
- Vendreys J.* Une categorie verbale: le mode de participation du sujet // Bulletin de la Societe Linguistique de Paris. 1948. V.64. P.1-20.
- Benveniste E.* Actif et moyen dans le verbe. //Problemes de linguistique generale. Paris, 1966. P.168-175.
- García E.C.* The Role of Theory in Linguistic Analysis. The Spanish Pronoun System. Amsterdam, 1975.
- Geniušienė E.* The Typology of Reflexives. Berlin-New York, 1987.
- Kemmer S.* The Middle Voice. Amsterdam, 1993.
- Andersen P.K.* Remarks on the Origin of the Term “Passive” // Lingua. 1989. V.79. P.1-16.
- Красухин К.Г.* К вопросу о соотношении индоевропейского активного и среднего залога // ВЯ. 1987/6. С.21-32.

- МНМ = Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 2000. Т.1.
 Степанов Ю.С. Индоевропейское предложение. М., 1989.
 Корди Е.Е. Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке. М., 2004.
 Быховская С.Л. Показатели множественности как классовые показатели в грузинском и баскском языках // Академия наук академику Н.Я. Марру. Ленинград, 1935.
 Быховская С.Л. Объективный строй *verba sentiendi* (предварительный очерк). // Язык и мышление. 1936. Т.6-7.
 Камасутра = Ватсьяна Малланата. Камасутра. Памятники письменности Востока (СХI). М., 1993.
 Ковалев С.И. Философия и искусство Греции эпохи расцвета. // История Древнего Мира. Древняя Греция. Т. III. Часть II. М., 1937.
 Крылов С.А. Диатеза и смежные понятия: некоторые соображения об их соотношении // Типологические обоснования в грамматике. К 70-летию проф. В.С. Храковского. М., 2004.
 Якушкина К.В. Лексико-грамматические средства эвфемии в языке газет Испании. Дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. СПб., 2009.

М.В. Зеликов
 (Санкт-Петербургский государственный университет)

ЭМОЦИИ И ЧУВСТВА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

Эмоции и чувства, не являясь основным предметом изучения в традиционной лингвистике, тем не менее, занимают вполне определенное место в ее понятийном аппарате. И связано это не только со значимостью данных явлений для исследования экспрессивности речи, которая является *следствием* эмотивного или аффективного проявления говорящего субъекта в процессе языкового общения (об аффективности и эмотивности как о *причине* экспрессивности см. (Bally 1977: 41-60; Vigara Tauste 1992: 54-55))¹, но и с их ролью в формировании языковой семантики, а также с их местом в логико-философской системе языкознания.

Положение о первостепенной роли логики в языкознании, эксплицирующееся прежде всего в изучении причинно-следственных связей как одного из кардинальных «выражений в языке формы мысли», последовательно отстаивает А.Т. Кривоносов, предупреждая о том, что попытки освободиться от логических основ, как это имеет место у «психолингвистов», чреваты тем, что «с водой может быть выплеснут и ребенок» (Кривоносов 1990: 26). В этой связи примечательно наблюдение исследователей-философов над творческим наследием Л.С. Выготского: идеи отечественного психолога о речи, формирующей мысль и обращенной к самой себе, «сформулированные как психологические (как вывод из психологических экспериментов), по сути дела являются логическими» (Библер 1975: 157).

О том, что явления психики человека, представляют сферу сознания не просто примыкающую, а смыкающуюся со сферой логического мышления, известно давно. «Сознательны все восприятия приходящие извне (чувственные восприятия), а также изнутри, которые мы называем ощущениями или чувствами», – писал З. Фрейд (Фрейд 1980: 189). Кроме того, зависимость чувств – одной из четырех основных функций психической системы человека – именно от сознания, установленная в аналитической психологии К.Г. Юнга (Мелетинский 1976: 59-60), является бесспорным постулатом современной семиотики и хорошо эксплицируется при раскрытии такого семиотического понятия, как образ. Образ, понимаемый через связь с идеей греч. *эйдос* (сенсорное статическое восприятие), либо лат. *imago* (когнитивное динамическое воображение), как отмечает Н.Д. Арутюнова, является «категорией сознания, а не действительности. ... Сознание разворачивает для образов новый контекст, ... и образ формируется восприятием, памятью, воображением, ... интуицией. Для образов характерно самозарождение и самопроизвольное развитие ... *Стихийность* формирования образов определяет их

автономность, *неподвластность человеку*. Они живут собственной жизнью, обусловленной связью с желаниями, эмоциями, совестью и другими неподконтрольными сферами психики» (Арутюнова 1999: 318-319).

Продолжая мысль Н.Д. Арутюновой, можно сказать, что образ представляет собой *стихийно-конкретное* воплощение, *следствие* чувства как абстрактного, статичного феномена психики. О неотделимости образа от любовного чувства, свидетельствуют многочисленные примеры из художественной литературы. Ср.: «Они расстались ... и милый *образ* во сне лишь видали» (Лермонтов) (Там же) (курсив наш – М.З.). Образное воплощение чувства, как проявление тенденции к конкретизации абстрактных явлений, связано с обязательным наличием *объекта*, в котором чувство может быть персонифицировано, ср. *любовь моя, радость моя, счастье мое* и т.д. При этом генезис чувства имеет тенденцию к мифологизации, ср. связь образа и стоящего за ним чувства с каузирующей их «стихийной и неподвластной человеку» Судьбой: «Теперь уже поздно противиться судьбе моей; ... ваш ... *образ* отныне будет *мучением* и *отрадою* жизни моей» (Пушкин) (Там же)² (курсив наш – М.З.).

Что же касается эмоций, то они, как правило, являются непосредственным, конкретным, динамичным проявлением субъекта, находящегося под влиянием чувств (причин). Эмоции не нуждаются в объекте, но всегда мыслятся как вызванные некоторой причиной. В общем случае это имеющие внешнее проявление динамические состояния субъекта,³ каузируемые внутренними устойчивыми признаками, т.е. чувствами. Это отношение отражено в семантике языковых единиц, относящихся к данной сфере. Так, синонимом прилагательного «чувственный» является не «эмоциональный» (т.е. «склонный к проявлению чувств»), а «сентиментальный», т.е. «излишне чувствительный» (СИС: 630). «Сентиментальный», как и его многочисленные соответствия в европейских языках, – одно из производных латинского *sensus*⁴, среди значений которого – не только «чувство, ощущение, восприятие, способность ощущать, зрение, ум, рассудок, мышление, понимание, вкус, такт, смысл, значение, содержание, мысль, понятие», но и «сознание, идея, образ» (ЛРС: 919). Одному из производных *sensus* – «сенсорный» (т.е. «чувствующий») может быть антонимически противопоставлено прилагательное «моторный», восходящее к лат. *motor* «двигающий, приводящий в движение» (СИС: 465), в свою очередь являющегося адъективным дериватом существительного *motus* «движение». Ср. *motus amore (ira)* «движимый любовью (потрясаемый гневом)» (ЛРС: 650), выражающие каузируемые чувствами динамические состояния субъекта. Латинские *motor* и *motus* непосредственно связаны с глаголом *e-moveo*, -ere «возбуждать, потрясать, колебать, волновать», как и существительное *emotio, onis* (исп. *emoción*, порт. *emoção*, ит. *emozione*, фр. *émotion* → англ. *emotion*) «переживание, душевное волнение». О «следственной» природе и, следовательно, о вторичности деривата свидетельствует прилагательное «эмоциональный»: вызываемый эмоциями, *основанный на чувствах* (СИС: 810).

Важной характеристикой эмоции является ее *обратное действие (реакция)*, благодаря которому она не только составляет *действие*, возникающее в ответ на то или иное *воздействие* (← лат. *re-actio* «обратное действие, связанное с *ago*, -ere «приводить в движение, делать, действовать»), но и способна генерировать устойчивое отношение субъекта к объекту. «*Всякий образ объекта*, входя в наше *сознание*, вызывает субъектную реакцию», ... которая «есть не что иное, как самый акт восприятия, будь то видение, воспоминание, осознание и т.п.» (Х. Ортега-и-Гассет). Подробнее см. (Зеликов 2007 : 16 - 17). В этом случае речь идет об эмоциях-реакциях, которые способствуют зарождению человеческих чувств и которые следует отделять от эмоций, как результата проявления стабильных, т.е. уже существующих чувств (статика)⁵.

Чувства и эмоции в естественном языке четко различимы как статичные причины и динамичные следствия. При этом нет никаких препятствий и, более того, существуют все предпосылки для того, чтобы в одной лексеме (именной или глагольной) были

объединены наименования как чувства, так и эмоции: причинно-следственная связь – одно из главных оснований вторичной номинации по типу метонимии в семантической структуре знака. Ср.: Петр *боится* отца (= *испытывает чувство страха*) vs. Петр *боится*, что отец его накажет (= *Петру страшно, потому что он боится отца*). В языках аналитического строя метонимический потенциал знака, как правило, выше чем в языках синтетического типа, ср.: исп. Juan tiene mucha *vergüenza* «Хуан очень *стыдлив* (букв. имеет много стыда)» vs. Juan tiene *vergüenza de/ A Juan le da vergüenza llevar un traje viejo* «Хуану *стыдно*, что на нем старый костюм (букв. имеет стыд/ ему дает стыд)». О вторичности следствий-эмоций от причин-чувств также свидетельствуют языковые данные: все номинации первых в европейских языках являются заимствованиями, так или иначе восходящими к одному латинскому этимону (ср.: русск. *эмоция*, фр. *emotion*, англ. *emotion* и др.), в то время как для вторых существуют свои исконные словарные единицы. Ср. фр. *sentiment* и др. романские соответствия, восходящие к *sentio*; англ. *feeling*, нем. *Gefühl*; русск. *чувство* и, как сообщает психолингвист-славист Л.А. Пиотровская, чешск. *cit* и польск. *uczucie* (Пиотровская 2008: 54)⁵.

Следует подчеркнуть, что причинно-следственные отношения в сфере психических явлений – это частное проявление общего закона диалектики бытия и сознания. Ср. причинно-следственную связь этапов ониматической диалектики (феноменологии языкового мышления) А.Ф. Лосева, соответствующих восходящим ступеням осознания действительности субъектом: «Процесс неживой природы, *чтобы* быть, требует раздражения. Раздражение, *чтобы* быть, требует ощущения. Ощущение, *чтобы* быть, требует восприятия. Восприятие, *чтобы* быть, требует образного представления» (Лосев 1990: 67) (курсив наш. – М.З.). Особо отметим, что выдающийся русский филолог и философ устанавливает данную закономерность в монографии «Философия имени», которая, по собственному признанию автора, посвящена стихии слова как «одной из сложнейших вещей в мире» (Там же: 38).

Игнорирование логико-грамматической основы традиционного языкознания, позволяющей непротиворечиво объяснить зависимость эмоций-следствий от чувств-причин на основе принципа эволюции «от конкретного к абстрактному» и схемы циклического развития «динамика ↔ статика» (см. (Зеликов 2008)), приводит к поиску альтернативных методов исследования эмоций и чувств. Подобная методология далеко не всегда состоятельна, что в полной мере демонстрирует статья Л.А. Пиотровской «Эмоции vs. чувства в научной и наивной картине мира (экспериментальное исследование в русско- и англоязычной аудитории)». Отмечая, что, в отличие от психологов, для которых термины «чувство» и «эмоция» являются ключевыми, лингвисты порой их не различают, делают взаимозаменяемыми, автор статьи высказывает гипотезу о том, что «обращение только к научной категоризации недостаточно для понимания речевой организации человека» (Пиотровская 2008: 54), и, только противопоставляя эти понятия, принимается за построение наивной картины мира методами психолингвистики. При этом желание автора психолингвистического эксперимента получить строго научные выводы выглядят наивнее самой наивной *imago mundi*: ведь чтобы заявлять о том, насколько значительна или незначительна корреляция наивной картины мира с научной категоризацией (Там же: 57), нужно, как минимум, выявить семантическую *структуру* лингвистических единиц, используемых для номинации изучаемых феноменов, и установить *характер связей* между ними, чего никак нельзя достичь простым раскладыванием лексем, называющих эмоциональные явления, по двум корзинам: «ЭМОЦИИ» и «ЧУВСТВА». Действительно, результат последнего вполне предсказуем: «... в наивной картине мира разделение эмоциональных явлений на эмоции и чувства релевантно не для всего объема слов тематической группы «чувства – эмоции» (*feelings – emotions*). Данная категоризация эмоциональной сферы, признанная психологами, оказывается действенной только для определенной группы слов, более или менее дифференцированных в сознании наивных носителей языка, причем более значимой она является для представителей русской

культуры. Категории «чувство – эмоция» (feeling – emotion) отображены в сознании носителей русского и английского языков не как равноправные объекты, но как совокупности, имеющие внутреннюю структуру, которая может быть описана в терминах теории поля: ядро/периферия, наиболее/наименее типичный представитель категории; при этом степень типичности элементов одной категории в значительной степени различается по языкам и обусловлена культурными традициями» (Там же: 57-58).

А между тем, как было показано выше, парадигма эмоций и чувств, кроме идиокультурной специфики, выявляемой в психолингвистическом эксперименте, имеет общие структурные характеристики, обусловленные причинно-следственными отношениями в комплексе психических явлений: «чувство (статично, абстрактно, объектно) → образ (статичен/динамичен, конкретен); чувство/образ → эмоция (динамична, конкретна)», а также определенное своеобразие, связанное с различиями в языковой типологии. Для установления истинного идиоэтнического своеобразия необходим тщательный лингвистический анализ с привлечением обширного языкового и литературного материала.

Таким образом, реальной объяснительной силой обладает неразрывно связанное с логикой языкознание (gesp. знание языков), составляющее также ядро психолингвистики (лингвистика = языкознание). Психология здесь – лишь адъективный, добавочный, т.е. периферийный компонент, а *лингвопсихология пока еще не существует.⁶

Примечания

¹ Об экспрессивности как о *конкретно-языковом* феномене выражения чувств свидетельствует этимология термина (выражение психологического состояния субъекта): лат. ex-primo, -ere «выжимать» (← primo, -ere «давить, жать, сжимать»), также expressio, onis «выдавливание» (*конкретика*) → «выражение, изложение, выразительность» (*абстракция*); здесь же – expressus «выразительный».

² Здесь напрашивается аналогия с антитетическим содержанием образа, концепта (как первообраза), архетипа (Абеляр, Дунс Скот, Дж. Бруно, Гегель, Юнг и др.).

³ «Эмоции, – пишет Н.Д. Арутюнова, изучая области предикатов имен чувств, – это *движение*. ... Когда человек перестает испытывать спонтанные эмоциональные реакции, говорят, что его сердце (вместилище чувств – М.З.) окаменело. ... затвердело и пр., т.е. перешло в то «состояние материи», которое лишено *подвижной* изменчивости ... Эмоции уподобляются текучему телу ... Эмоции варьируются в зависимости от характера и типа чувств» (Арутюнова 1999: 390-396).

⁴ Также sentio, -ire «чувствовать, ощущать, воспринимать»; «узнать, думать, полагать»; «быть восприимчивым» и sententia «мнение, взгляд» (ЛРС: 919).

⁵ Аффект как еще один феномен эмоциональной сферы, подобно эмоции, каузирован, динамичен и конкретен, однако не обладает конструктивным свойством эмоции, т.е. ее обратным действием. Это объясняется тем, что аффект представляет собой психический процесс, который принципиально не контролируем субъектом, что сближает его с чувством. Особо отметим, что данный феномен релевантен лишь для научной парадигмы.

⁶ В естественном языке данный набор дифференциальных признаков не образует отдельного концепта. Ср. чувственно-эмоциональный синкретизм лат. affectus (II) «состояние, чувство, настроение, переживание, страсть, любовь, нежность». Здесь же affectatio, -nis «страсть, стремление, горячее желание»; affecto, -are «страстно стремиться, горячо желать»; affectio «влияние, впечатление, воздействие, любовь, нежность, аффективность» (ЛРС: 45). Именно с последним термином (то же – исп. afectividad) связывается выражение чувств в современном языкознании. Это предопределено уже тем фактом, что за связанным с sensus и sentio термином «сентиментальность» давно закреплена другая коннотация и выбрать не приходится.

⁷ Весьма примечательно, что в древнейшем языке Европы – баскском для номинации чувства помимо романских заимствований – sentimendu и zentzu (< лат. senso), также существуют исконные композитные двусоставные образования (nahigabe ← nahī «воля, желание» + gabe «без») для выражения чувства неудовольствия и atsekabe (← atsegin «удовольствие, счастье» + gabe) (Elhuyar: 459, 61). То же – arazeria и itxurakerria, соответствующие термину «аффектация» в романских языках. Первый связан с arazo «проблема, забота, волнение» (Elhuyar: 42), а второй, собственно, «притворство» (= исп. afectación «неестественность, притворность, манерность» (ИРС: 36)) с itxurra «форма, фигура, вид, *образ*» (см. выше) (Elhuyar: 341). Что касается «эмоции», то помимо обычного emozio, также известно zigaga, одним из значений которого является «волнение» и восходящее к zigti «легкое движение» и zigti egin «двигаться» (Elhuyar: 243, 617).

⁸ Что касается лингвокультурологии, то от представителей этого порожденного когнитивистикой конгломерата, отважно открывающих велосипеды в давно и надежно исследованных областях языкознания (ср., например, направление Wörter und Sachen), очевидная избыточность термина, видимо, ускользает:

представить существование какой-либо культуры без языка как средства передачи культурного наследия от поколения к поколению решительно невозможно: «Язык тесно переплетен с духовным развитием человечества и сопутствует ему на каждой ступени его локального прогресса или регресса, отражая в себе каждую стадию культуры» (Гумбольдт 1984: 48).

Литература

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
- Библер В.С. Мышление как творчество. (Введение в логику мысленного диалога). М., 1975.
- Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Зеликов М.В. Познание без сознания? / Пелевинские чтения – 2007. Межвуз. Сб. научных трудов. Калининград, РГУ им. И. Канта, 2007. С. 14 – 27.
- Зеликов М.В. О так называемых онтологических истоках диффузности «ментальное/сенсорное» (ведение ~ виденье) когнитивного языкознания// Человек в зеркале языка. Книга III. М.: РАН ИЯ, 2008.
- ИРС = Испанско-русский словарь/ Под ред. Б.П. Нарумова. М., 1988.
- Кривоносов А.Т. Мышление – без языка? Экономия языковой материи – закон процесса мышления// Вопросы языкознания. 1992. №2.
- Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., 1990.
- ЛРС = Латинско-русский словарь/ Под ред. И.Х. Дворецкого. М., 1976.
- Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976.
- Пиотровская Л.А. Эмоции vs чувства в научной и наивной картине мира (экспериментальное исследование в русско- и англоязычной аудитории)// Материалы XXXVII межд. фил. конф. Общее языкознание (СПбГУ, 2008). СПб., 2008.
- СИС = Словарь иностранных слов. М., 1954.
- Фрейд З. Я и оно// Хрестоматия по истории психологии. М., 1980.
- Bally Ch. El lenguaje y la vida. Buenos Aires, 1977.
- Elhuyar = Elhuyar. Diccionario Euskera – Gaztelania/ Castellano-Euskera. Usurbil, 1996.
- Vigara Tauste A.M. Morfosintaxis del español coloquial. Madrid, 1992.

А.Н. Исанина

(Санкт-Петербургский государственный университет)

В.И. ЛЕНИН, А.А. БОГДАНОВ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК: МАРКСИСТЫ О ПРОБЛЕМЕ ЗНАЧЕНИЯ

В начале XX века между двумя марксистами, бывшими соратниками, а позднее непримиримыми противниками В.И. Лениным и А.А. Богдановым на страницах их сочинений развернулась философско-методологическая полемика, которая, как мы увидим далее, представляет немалый интерес в свете дальнейшего развития отечественной науки, и в частности языкознания.

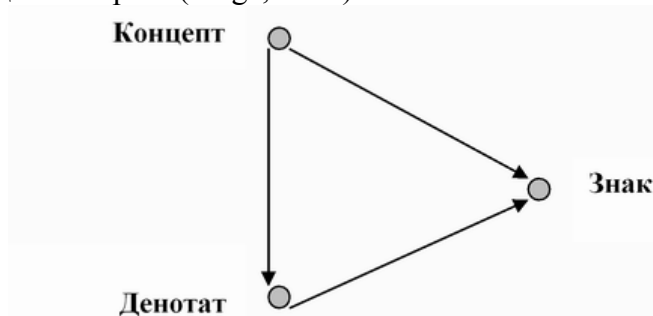
Книга «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии» была написана В. И. Лениным в феврале–октябре 1908 г. в Женеве и Лондоне и издана под псевдонимом «Вл. Ильин» в Москве в мае 1909 г. издательством «Звено» (Ленин 1909). Непосредственным поводом к написанию книги послужил, среди прочего, вышедший в начале 1908 г. сборник статей В. Базарова, А. Богданова, А.В. Луначарского, Я.А. Бермана, О.И. Гельфонда, П.С. Юшкевича и С.А. Суворова под названием «Очерки по философии марксизма», в котором подвергался ревизии диалектический материализм (Очерки 1908).

Основное содержание книги — подробный критический разбор философских позиций как самих представителей эмпириокритицизма Эрнста Маха и Рихарда Авенариуса и их учеников, так и тех марксистов, которых Ленин называет русскими махистами, подчеркивая их отход от «ортодоксального» марксизма, и уличает в ревизионизме. Акцент делается прежде всего на том, что настоящая марксистская наука никаких других основ, кроме материалистических, иметь не может и что любое «протаскивание» идеализма означает для философа разрыв с марксизмом и переход во враждебный лагерь.

Подобная критика не осталась без ответа, и в книге 1910 г. А.А. Богданов помещает статью «Вера и наука», где доказывает, во-первых, связь своих идей с идеями марксизма, а во-вторых, сам уличает своего оппонента в идеалистических взглядах, но прежде всего — в религиозном мышлении (Богданов 1910).

Обсуждая философские вопросы, авторы естественным образом касаются таких проблем, как соотношение между материальным и идеальным, между действительностью и ее осмыслением, способами этого осмысления — проблем, которые входят в объект такой лингвистической дисциплины, как семантика. В современной науке интересующие нас аспекты получили выражение в принципе «семантического треугольника»: внешний элемент — последовательность звуков или графических знаков (означающее) — связан в сознании и в системе языка, с одной стороны, с предметом действительности (вещью, явлением, процессом, признаком), называемым в теории семантики денотатом, референтом, с другой стороны — с понятием или представлением об этом предмете, называемым смыслом, сигнификатом, интенционалом, означаемым.

В своем первоначальном и наиболее простом виде семантический треугольник предстает в концепции Г. Фреге (Frege, 1892):

Именно сущность двух последних — предмета действительности и представления о нем в сознании, а также характер взаимосвязи между ними и представляет для историка лингвистики в философских рассуждениях двух марксистов наибольший интерес как минимум по двум причинам.

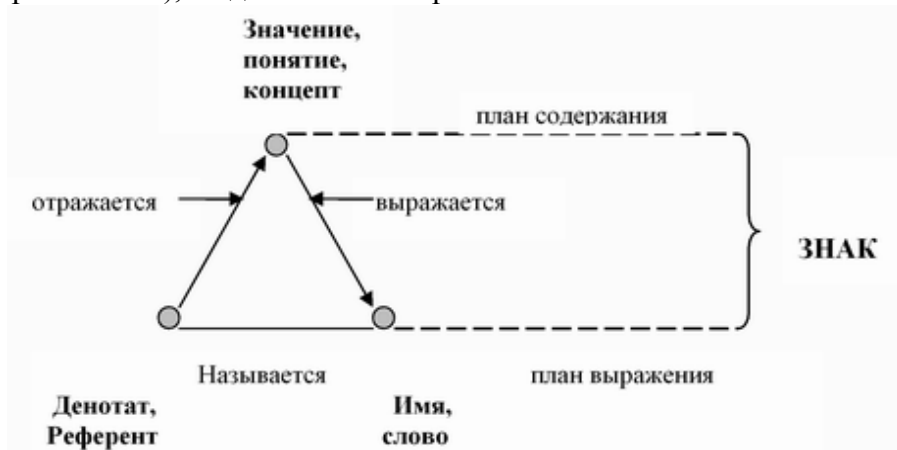
Во-первых, семантика как раздел языкознания к 1900-м годам проходит весьма небольшой путь: первоначально она базируется на ряде идей, высказанных В. фон Гумбольдтом, затем в ней благодаря В. Вундту и А.А. Потебне развиваются концепции, связывающие язык с психологией народов. В начале XX века психологическое направление в подходе к проблемам значения по-прежнему распространено. Немаловажным событием рубежа веков в искусстве является и развитие символизма, который не мог не повлиять на развитие научных идей. Несколько позднее, в 80-е гг. XIX века, в связи с включением семантики (семасиологии) в комплекс лингвистических дисциплин, в нее внедряются принципы конкретно-исторического исследования и формулируется ряд исторических законов семантики (Paul 1880; Bréal 1897; Покровский 1895). Далее, последнее десятилетие XIX века знаменуется выходом труда Г. Фреге «Über Sinn und Bedeutung» (Frege 1892), а кроме того, свое логико-философское понимание сущности знака формулирует в статье 1894 г. «Что такое знак?» основоположник прагматизма и семиотики Ч. Пирс (Peirce 1998: 4-10). Ф. де Соссюр с 1906 по 1911 г. еще только читает свой курс по общей лингвистике в Женевском университете, а неопозитивизм (логический позитивизм, Венский кружок) обратится к проблемам языка только через 10 лет. В сущности, конец 1900 – начало 1910 гг. — это своего рода подготовительный период, непосредственно предшествующий тому всплеску в развитии семантики, который имел место в 20-е гг. XX века.

Во-вторых, особенностью развития отечественной науки в XX веке можно считать сознательно заложенный в ее основу марксизм с его диалектико-материалистическим методом. В этой связи понятно, почему полемика между марксистами может быть интересна историку науки.

Итак, что же собой представляет предмет спора между вождем мирового пролетариата и основателем тектологии? По сути, это не что иное как характер отношений между денотативным и сигнификативным значениями знака. Лингвистическая терминология в этом вопросе весьма разнообразна. Ч. Пирс употребляет для их обозначения термины объекта и интерпретанты, Г. Фреге — значения и смысла, Ч. Моррис и А. Черч — денотата и десигната (Моррис 1982, Чёрч 1960), Ч.К. Огден и А.А. Ричардс — референта и мысли о нем (Ogden, Richards 1923), Л. С. Выготский — предметной отнесенности и значения (Выготский 1999: 151), классическая логика, описывающая слово-понятие, пользуется понятиями экстенционала и интенционала.

Необходимо отметить, что ни в отношении сущности того и другого значения (той или иной семантической функции), ни в отношении характера их взаимоотношения в среде исследователей единого мнения нет. Н.Г. Комлев выделяет 7 концепций значения с вариациями (Комлев 1969: 10-24), его современник А.А. Ветров — 5 теорий значения (Ветров 1968). Мнения расходятся как в отношении того, что считать значением слова вообще, так и того, в какой степени значение принадлежит сознанию – индивидуальному или коллективному.

Так, для Ч.К. Огдена и А.А. Ричардса денотат — это данный в ощущениях объект реальной действительности или явление психического мира, а сигнификат — мысленный образ объекта действительности, возникающий в сознании. Таким образом, исследователи разграничивают материальную и идеальную стороны знака, где материальным в их треугольнике оказывается основание (денотат и собственно имя — звуковая или графическая реальность), а идеальной — вершина.

В самом слове, имени, знаке, выделяют, помимо звуковой или графической реальности, также звуковой (акустический) или зрительный образ, который отпечатывается в сознании посредством органов чувств. Назвать его «материальным» можно лишь в оппозиции к понятию, которое имеет более абстрактный характер.

В отношении двух других компонентов семантического треугольника дело обстоит еще сложнее. Так, А.Ю. Агафонов относит денотативное значение (в его терминологии — просто «значение») к внешнему по отношению к психике социальному миру, т.е. к материальному, а в сигнификативном значении (у него это «смысл») видит «психический продукт», принадлежащий психическому миру, т.е. идеальное (Агафонов 2000).

Однако границу между материальным и идеальным в знаке далеко не все ученые проводили таким же образом. Чтобы связать слово с предметом, необходимо, чтобы предмет опознавался субъектом знаковой действительности, а значит, не только сигнификат, но и денотат представляет собой абстракцию, отражение в сознании, представление, пусть и минимально детализированное. Получается, что денотативное значение также содержит в себе элемент «психического» (Крушевский 1893, Szober 1924).

В интересующей нас полемике марксисты подходят к проблеме отношения между референтом и мыслью о нем с философских позиций. Основная претензия В.И. Ленина к

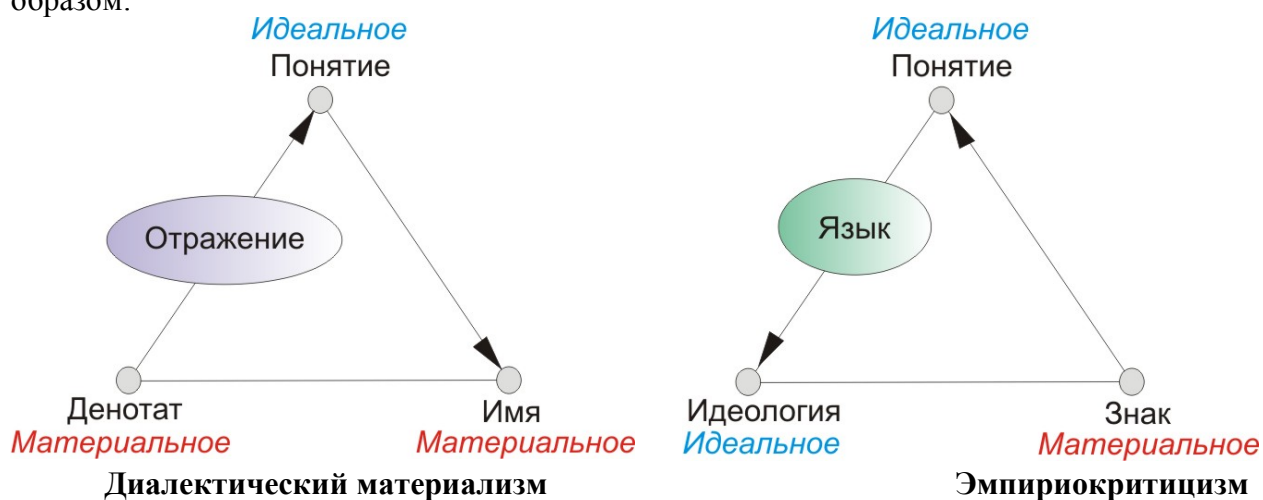
русским махистам и А.А. Богданову, в частности, заключалась в том, что они исповедуют субъективный идеализм, т.е. вне сознания, по их философии, ничто не существует. Отрицая существование реального мира, они подменяют его «идеологиями», социально-организованным опытом, истоки которого кроются в чувственном опыте отдельных индивидов. Причину этого автор труда «Материализм и эмпириокритицизм» видит в том, что познающий индивид в философии Богданова избирает объектом познания не явления реального мира, а их знаки, так как они доступны чувственному созерцанию в той же мере, что и объекты действительности — это идеализм в знаково-символическом варианте. Под знаками понимаются знаки языковые, физическая сторона которых действительно не представляет сложностей для чувственного восприятия. В итоге между познающим субъектом и реальным миром возникает непреодолимая преграда в виде языка.

Это позволяет сделать следующие теоретические выводы в отношении места языка в гносеологии «русских махистов»:

- 1). Мышление понимается как речь минус звук — именно такая концепция мышления исповедовалась А.А. Богдановым. Любопытно, что и сейчас многие исследователи ее принимают в отношении логического мышления, противопоставленного практическому и образному.
- 2). Функции организующего начала — «организационной формы» — неупорядоченного потока ощущений, хаотически представленного чувственного опыта вместо мышления принимает на себя язык.
- 3). Реальный мир полностью замещается словесно оформленными системами представлений — идеологиями, — которые представляют собой не что иное как концептуализацию действительности, иными словами, языковую картину мира.
- 4). В языковой картине мира, которая становится для людей теорией познания, появляются абстракции, лишённые материального денотата. Например, вместо реального человека говорят о гносеологическом субъекте.

Для В.И. Ленина такое положение дел невозможно — в его концепции реальный мир, материя, отражается в сознании. Его подход не только демонстрирует зависимость сознания от материи, но и не вызывает у его автора сомнений в истинности понятий, сформированных в ходе организованного таким образом познания.

Воззрения В.И. Ленина на то, как понимается проблема значения диалектическим материализмом и эмпириокритицизмом, можно представить графически следующим образом:

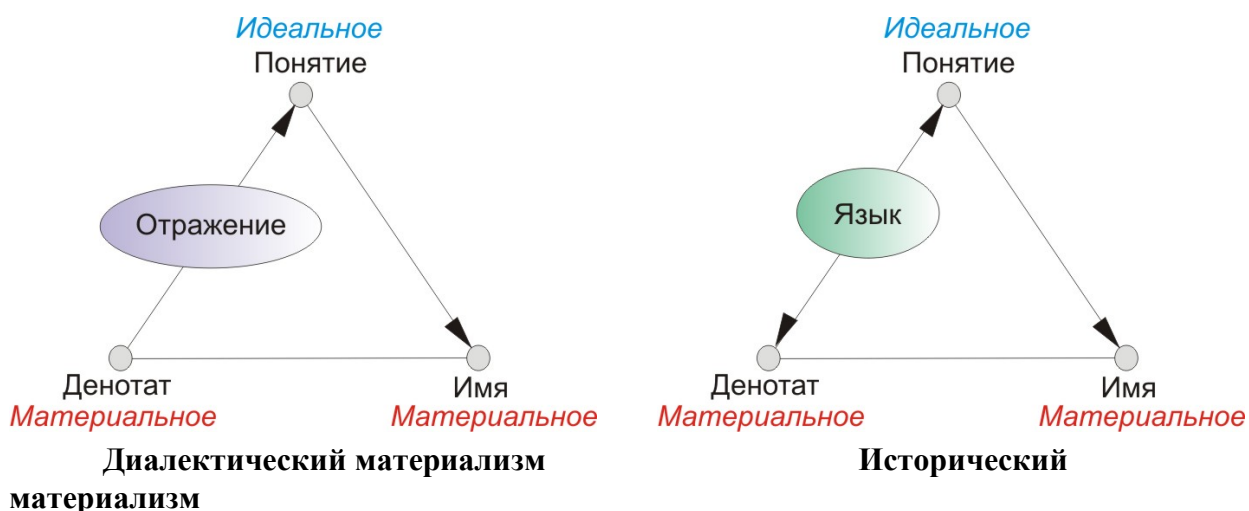
Примечательно, что обе представленных точки зрения до сих пор встречаются в лингвистических работах. По сути, такое же разделение семантического треугольника на материальное и идеальное, что и у В.И. Ленина, наблюдается, как мы видели, в концепции

Ч.К. Огдена и А.А. Ричардса и в настоящий момент в своем базовом варианте находит отражение во многих теориях значения.

Что касается А.А. Богданова, то его идея о языке как о концептуализирующей силе вписывается в традицию, восходящую к В. фон Гумбольдту и затем развитую неогумбольдтианством в 30-е гг. XX века (содержательно-ориентированная грамматика Л. Вайсгербера и гипотеза лингвистической относительности Сэпира-Уорфа).

Принцип использования языка в качестве инструмента теории познания найдет отражение в 1920-е гг. у представителей Венского кружка.

Высказанное же В.И. Лениным обвинение своего оппонента в идеализме, по существу, несостоятельно. Ленин усматривает в коллективно-организованном опыте, идеологиях, идеальную природу, поскольку понимает опыт как общественное сознание. Богданов же понимает опыт как сумму элементов чувственного бытия — как раз того бытия, которое, с точки зрения его оппонента, является единственно возможным. Вот как представлял себе разницу сам А. А. Богданов:

Литература

- Агафонов А.Ю.* Человек как смысловая модель мира. Прологомены к психологической теории смысла. Самара, 2000.
- Богданов А.А.* Падение великого фетишизма. (Современный кризис идеологии). Вера и наука. (О книге Вл. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм»). М., 1910.
- Ветров А.А.* Семиотика и ее основные проблемы. М., 1968.
- Выготский Л.С.* Мышление и речь. М., 1999.
- Комлев Н.Г.* Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.
- Крушевский Н.В.* Прибавление к книге «Очерки по языковедению. «Антропофоника». Варшава, 1893.
- Ленин В.И.* Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. М., 1909.
- Моррис Ч.У.* Основания теории знаков // Семиотика. Сборник переводов. М., 1982.
- Очерки по философии марксизма.* Философский сборник. СПб, 1908.
- Покровский М.М.* Семасиологические исследования в области древних языков. [Дисс.]. М., 1895.
- Чёрч А.* Введение в математическую логику. М., 1960. С. 15-63.
- Bréal M.* Essai de sémantique (Science des significations). Paris, 1897.
- Frege G.* Über Sinn und Bedeutung. In: Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik, NF 100, 1892, S. 25-50.
- Ogden C.K., Richards J.A.* The Meaning of Meaning. A Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism. London, 1923.
- Paul H.* Prinzipien der Sprachgeschichte, Tübingen, 1880.
- Peirce. C.S.* What is a sign? In: The Essential Peirce. Selected Philosophical Writings. Vol. 2. Indiana: Indiana University Press, 1998. pp. 4-10.
- Szober S.* Zarys językoznawstwa ogólnego. Warszawa, 1924.

Е.Н. Куралесина
(Санкт-Петербургский государственный университет)

НОВЕЙШИЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ КАНАДЫ

Содержание новейшей языковой политики федерального правительства Канады в отношении официальных языков отражено в двух документах: «Плане действий в отношении официальных языков (2003–2008)» и «Планировании развития канадского двуязычия (2008–2013)». Данные документы отражают проблемы франкоязычных и англоязычных миноритарных сообществ с учетом равноправного статуса французского и английского языков как официальных. В данной статье акцент будет сделан на политике, проводимой федеральным правительством в отношении французского языка.

В соответствии с «Планом действий в отношении официальных языков» современная языковая политика Канады включает несколько направлений.

Правительство рассматривает получение образования на языке меньшинства и изучение второго официального языка как залог сохранения двуязычного характера канадского общества. В этой связи выделены дополнительные средства на поддержание и развитие данной сферы. В 2001 г. число обучающихся на французском языке за пределами Квебека составляло 68% от возможного. В рассматриваемом плане правительство заявляет о намерении повысить данный показатель до 80%, сделав качество обучения на французском языке сопоставимым с качеством обучения на английском.

Правительство предполагает добиться поставленных целей путем совершенствования педагогического процесса и повышения профессионального уровня преподавательского состава, считает необходимым стимулировать изучение второго языка, демонстрируя применимость на практике такого рода знаний. Правительство организует и финансирует специальные программы, позволяющие работать в качестве помощника преподавателя в учебном заведении, а также программы, рассчитанные на летний период.

Проблемы франкоязычного сообщества за пределами Квебека по-прежнему сохраняют свою актуальность. Наблюдается устойчивая тенденция к снижению численности населения, для которого французский является родным. В 1951 г. данный показатель составлял 7,3% в сравнении с 4,4% в 2001 г. Это снижение обусловлено значительным потоком иммигрантов, низкой рождаемостью и лингвистическими трансфертами. Снижается уровень использования родного языка в семье: 73% в 1971 г., 62% в 2001 г. По мнению исследователей положения миноритарных сообществ в Канаде, ключевым показателем будущего языкового сообщества является передача французского языка детям. В 2001 г. данный показатель составлял 62%. Говоря о показателе передачи французского языка детям, необходимо различать эндогамные и экзогамные семьи. В рамках канадской языковой ситуации понятие 'эндогамная семья' подразумевает брак между носителями французского языка как родного. Термин экзогамная семья означает союз, в котором для одного из супругов французский язык не является родным. В настоящее время наблюдается тенденция роста числа экзогамных браков в сравнении с серединой XX в. По данным на 2001 г., 37% всех детей в Канаде воспитывается в экзогамных семьях. Передача французского языка в семье, где оба родителя являются франкофонами, составляет 95%, в экзогамных семьях этот показатель снижается до 42%. Передача французского языка ребенку существенным образом зависит от знания этого языка родителем, не являющимся франкофоном. В случае, когда родитель, для которого французский язык не является родным, владеет этим языком, уровень передачи французского языка ребенку составляет 70%, если один из родителей не говорит на французском языке, данный показатель снижается до 32%.

Федерация франкоязычного и акадийского сообществ Канады обратилась к правительству за помощью в развитии таких приоритетных направлений, как детство, здоровье, судебная система и экономика. В вопросе развития миноритарных сообществ новшеством «Плана действий в отношении официальных языков» является его направленность на решение вышеперечисленных приоритетных проблем.

Наиболее значимым в данном списке является предоставление медицинских услуг. Проведенные исследования выявили, что языковой барьер в сфере здравоохранения отрицательно сказывается на качестве предоставляемых услуг, их стоимости и конечном результате (Bowen 2001: 1). В 1996 г. дефицит франкоязычных врачей составил 34%. В рамках Плана действий выделены дополнительные средства на профессиональную подготовку, делающие образовательные программы более доступными. Для координации действий в сфере здравоохранения создана национальная организация «Общество здоровья на французском языке» («Société Santé en français»). В целом в данном вопросе План действий направлен на предоставление больших возможностей для получения медицинских услуг на языке миноритарного сообщества в данном регионе.

Другим приоритетом является помощь франкоязычным сообществам в поддержании жизнеспособности экономической деятельности, осуществляемой на французском языке. На сегодняшний день французский язык используется не только дома и в школе, но представлен и в сфере трудовых отношений. По данным на 2001 г., за пределами Квебека 67% франкофонов используют французский язык в трудовой деятельности, из них 27% – регулярно и 40 % – чаще всего.

Языковые сообщества в ситуации меньшинства часто связывают свое экономическое развитие с освоением новейших технологий. Специально для франкофонов создана программа *Francommunautés virtuelles*, позволяющая отдельным лицам, ассоциациям и коллективам обмениваться информацией об интернет-ресурсах и делиться опытом экономического развития и развития сообщества.

Правительство выделяет дополнительные средства на финансирование стажировок для представителей языкового меньшинства, а также создание образовательных и информационных интернет-ресурсов.

Выделены средства на финансирование служб по присмотру за детьми дошкольного и младшего школьного возраста и изучение влияния использования французского языка в дошкольных учреждениях на языковое и культурное развитие представителей миноритарных сообществ.

Неотъемлемой частью новейшей языковой политики Канады является проведение избирательной иммиграционной политики, одной из целей которой выступает корректирование языковой ситуации в стране на основании федерального принципа развития двух языковых сообществ и равноправия французского и английского языков.

Обращение к иммиграционному направлению в рамках языковой политики носит неслучайный характер. Численность населения страны с момента образования Конфедерации до конца XX века увеличилась с 3.5 млн. до приблизительно 38 млн. человек, что обусловлено, в большой степени, значительным потоком иммигрантов. Во второй половине XX века темпы роста иммиграции в три раза превысили прирост населения, родившегося в Канаде. Зависимость Канады от иммиграционных потоков сохраняется и сегодня. Именно значительное число иммигрантов позволяет Канаде обеспечивать стабильный рост населения. Кроме того, комиссия по изучению бикультурализма и билингвизма выявила в ходе работы разнообразный состав канадского общества, явившийся результатом многолетней иммиграции, и пришла к заключению, что потомки британцев и французов как народов основателей являются не единственными в Канаде и что необходимо учитывать и этот крайне важный аспект. В 1971 г. правительство Канады официально приняло политику мультикультурализма, признав одинаковую ценность и достоинство всех этнокультурных групп. Основные принципы

данной политики закреплены на законодательном уровне в Хартии 1982 г. и «Законе о канадском мультикультурализме» 1988 г.

Большой поток иммигрантов вносит существенные коррективы в процентное соотношение англоязычного и франкоязычного населения. Франкоязычное сообщество Канады является малопривлекательным для иммигрантов. В 2001 г. на каждого иммигранта, владеющего французским языком, приходилось более восьми, владеющих английским (Rapport annuel. Edition spécial ... 2004: 35). Большинство иммигрантов, владеющих французским языком, обустроиваются в Квебеке (70%) (Plan d'action ... 2003). По данным на 2002 г. 5% от общего числа иммигрантов владеют французским как единственным официальным языком (Там же). Таким образом, рост населения страны за счет иммигрантов, выбирающих главным образом английский язык, катастрофическим образом сказывался на процентном соотношении франкоязычного и англоязычного населения страны.

Однако, начиная с 80-х гг., правительство Квебека предприняло ряд мер с целью скорректировать сложившуюся ситуацию. Это стало возможным в рамках соглашения, заключенного в 1978 г. и позволившего Квебеку проводить собственные иммиграционные программы. Уже к 2001 г. правительство Квебека смогло кардинально изменить ситуацию. Так, если в 1971 г. для 27 % иммигрантов английский язык был родным и только для 18% таковым являлся французский, в 2001 г. эти доли составляли уже 9% и 16% соответственно. При этом процент иммигрантов, для которых французский и английский языки не являются родными, возрос до 67 % в сравнении с 53 % в 1971 г. (Rapport annuel. Edition special ... 2004: 35).

Современная система интеграции иммигрантов во франкоязычное сообщество Квебека включает два главных института: Министерство гражданских отношений и иммиграции и Министерство образования.

Министерство гражданских отношений и иммиграции, созданное в 1996 г., работает только с приехавшими на постоянное проживание и находящимися на территории Квебека менее 3 лет. Данный институт ответствен за так называемое «языковое обучение первого уровня», включающее функциональное овладение языком и культурными кодами, позволяющими взаимодействовать в ситуациях повседневного жизни (Dumas 1999: 75). Министерство образования участвует в процессе интеграции иммигрантов во франкоязычное сообщество, осуществляя программы по обучению второму языку.

На федеральном уровне в рамках «Закона об иммиграции и статусе беженцев от 1 ноября 2001 г.» знание официальных языков становится благоприятствующим фактором при отборе кандидатов. Канадское правительство поддерживает, таким образом, развитие франкоязычного сообщества на основании принципа равноправия, способствуя иммиграции носителей французского языка.

Меры, предпринимаемые федеральным правительством по корректированию соотношения англоязычного и франкоязычного населения, затрагивают территории вне Квебека и направлены на привлечение франкоязычных иммигрантов в провинции с небольшим по численности франкоязычным сообществом. В соответствии с «Планом действий в отношении официальных языков» правительство обязуется организовать обучение французскому языку с учетом реальных потребностей иммигрантов.

Новейшая языковая политика правительства в отношении официальных языков включает также активные действия по созданию двуязычного аппарата государственных служащих. За последние 30 лет правительство Канады достигло заметных успехов в данном вопросе: количество франкофонов, представленных в различных эшелонах власти, и число двуязычных постов значительно возросли. Однако по данным исследования, проведенного Комиссариатом по официальным языкам, значительный процент учреждений, имеющих статус двуязычных, на практике не могут обеспечить обслуживание на двух языках.

Говоря о канадской языковой ситуации в сфере государственной службы, принято освещать такие аспекты, как использование двух официальных языков в качестве рабочих и представленность франкоязычных и англоязычных служащих. По данным на 2002 г., английский в качестве рабочего языка по-прежнему используется в большей степени: 14% англофонов в двуязычных регионах используют французский язык как рабочий в государственной сфере в сравнении с 54% франкофонов, использующих в качестве рабочего английский язык.

Наблюдается устойчивый рост числа двуязычных постов, из которых 28% требуют высочайшей компетентности в сфере владения вторым языком и 67% – компетентности среднего уровня. В высших эшелонах власти 78% должностей имеют статус двуязычных.

Существует проблема недостатка двуязычных кадров: из 78% двуязычных постов высшего уровня билингвы занимают только 72%. Очевидна необходимость подготовки специалистов соответствующей компетенции.

Новая политика в отношении предоставления услуг, вступившая в силу с 1 апреля 2002 г., обязывает федеральные органы принимать во внимание влияние двуязычия в данной сфере на развитие миноритарных языковых сообществ.

Уровень представленности франкофонов в государственном аппарате также неуклонно растет и составил на 2002 г. 31%, что превышает долю франкоязычного населения в стране (24%). В рамках программы по обновлению аппарата госслужащих, обусловленной объективными факторами старения, федеральное правительство намерено принимать на службу людей, владеющих двумя официальными языками, тем самым создавая подлинное двуязычие в сфере государственной службы. С этой целью Комиссариат по официальным языкам активно взаимодействует с высшими учебными заведениями Канады в направлении выработки у будущих специалистов соответствующих языковых навыков. Помимо привлечения уже двуязычных кадров, языковая политика в сфере государственной службы включает в качестве обязательного элемента карьерного роста языковое обучение на ранних этапах карьеры и последующее совершенствование языковых навыков. Владение двумя официальными языками является обязательным условием при назначении на государственные должности.

Финансирование госаппарата было значительным образом сокращено в начале 90-х гг., что, по мнению официальных властей, оказало негативное влияние на реализацию принципа равенства двух официальных языков в данной сфере.

В соответствии с Планом действий правительство намерено выделить средства на осуществление языковых программ, с тем чтобы государственная служба «стала эталоном в отношении использования официальных языков» (Plan d'action ... 2003). Выполнение минимальных языковых обязательств сменилось ориентировкой на выработку особой двуязычной культуры в сфере госслужбы, что предполагает понимание языкового дуализма как неотъемлемой части повседневной деятельности государственных институтов.

Одним из новейших аспектов современной языковой политики Канады является развитие так называемой индустрии языка, включающей сообщество устных и письменных переводчиков, обеспечивающих двуязычную коммуникацию на территории Канады. Реализация Плана действий невозможна без эффективного функционирования данной индустрии, имеющей, по мнению властей, ряд существенных недостатков.

По данным на 2003 г., 83% услуг на рынке перевода предоставляются частными лицами и мелкими агентствами (Plan d'action ... 2003). Взаимодействие между такими агентствами носит минимальный характер. Таким образом, с точки зрения структурированности индустрия языка представляет собой разрозненное образование.

Канадская индустрия языка мало известна как за пределами страны, так и внутри нее. Недостаточный объем информации, предоставляемой о данной сфере, определяет то, что молодежь, преподаватели и все участники образовательной системы в целом недостаточно осведомлены о перспективах трудоустройства. Как следствие, индустрия

языка испытывает дефицит человеческих ресурсов. По официальным данным 2003 г., для того чтобы заменить людей, прекращающих свою деятельность в данной сфере, и покрыть растущие потребности, ежегодно необходимо привлекать к работе около 1000 новых письменных переводчиков.

В Плане действий правительство заявляет о намерении перейти от простого потребления рынка языковых услуг к осуществлению поддержки данного сектора, предполагающей его развитие. Правительство выделяет средства на координацию действий различных структур, входящих в состав индустрии языка. Планируется создание единой ассоциации, с целью совместного устранения существующих проблем. Решение проблемы дефицита кадров будет осуществляться путем пропаганды в средствах массовой информации и выведения предлагаемых услуг на международный рынок.

В настоящее время действия правительства в отношении официальных языков основываются на документе под названием «Планирование развития канадского двуязычия». По словам министра культурного наследия Канады, данный план является беспрецедентным (*Feuille de route ... 2008*). Созданный по результатам анализа современного социального и культурного контекстов, он учитывает мнение федерального правительства, парламентских комитетов, комиссара по официальным языкам и представителей от миноритарных языковых сообществ – т.е. всех ключевых сторон, реализующих языковую политику на практике. Вместе с тем власти признают, что осуществление языковой политики на современном этапе невозможно без участия каждого жителя Канады. Установив равноправие официальных языков на законодательном уровне, добившись высоких результатов в реализации принципа равноправия на практике и продолжая развивать оба данных направления, правительство ставит качественно новую цель в сфере языковой политики – обеспечить условия, при которых каждый гражданин Канады имел бы возможность извлекать пользу из ситуации официального двуязычия.

Планирование развития канадского двуязычия является логическим продолжением «Плана действий в отношении официальных языков 2003-2008». «План 2003-2008» позволил правительству усовершенствовать двуязычие в сфере услуг, в особенности в здравоохранении и в судебной сфере. Власти намерены использовать достигнутые результаты как основу для дальнейших действий.

Общая сумма запланированных правительством инвестиций составляет 1,1 млрд. долларов, что значительно превышает 751,3 млн. долларов, выделенных в рамках «Плана действий в отношении официальных языков» в предшествующие пять лет. Рост общей суммы инвестиций обусловлен как включением дополнительных статей, так и увеличением финансирования по сходным статьям.

«Планирование 2008–2013» включает пять направлений, определенных с учетом различных аспектов современного контекста (приоритетов и ресурсов правительства Канады, мнения самих канадцев, социальной и экономической обстановки в стране, мнения различных парламентских и языковых сообществ, анализа и результатов инициативы местных властей):

- •повышение ценности двуязычия для всех граждан Канады;
- •построение языковой политики с ориентацией на молодежь;
- •совершенствование системы предоставления услуг на языке миноритарного языкового сообщества;
- •ориентация на экономическую выгоду;
- •осуществление эффективного управления для совершенствования обслуживания населения.

В рамках пропаганды двуязычия открыт бесплатный доступ к языковому порталу правительства Канады, доступному ранее только для федеральных чиновников (*Portail linguistique du Canada*). Портал на английском и французском языках представляет собой сайт, содержащий широкий набор языковых инструментов высокого качества, и является

своего рода информационно-справочном пособии, отвечающим на конкретные практические вопросы, возникающие у жителей страны, где два языка выступают в качестве официальных. Ресурсы портала позволяют разграничить пространства двух языков, делая каждый из них актуальным для взаимодействия в условиях современной действительности, помогают англоязычным и франкоязычным канадцам понимать и использовать официальные языки. В рамках пробного проекта «Школа по обучению госслужащих Канады» («Ecole de la fonction publique du Canada») безвозмездно предоставляет канадским университетам обучающие средства и материалы для изучения официальных языков, доступные ранее только для федеральных чиновников.

С целью взаимного культурного и литературного обогащения франкоязычного и англоязычного сообществ создана Национальная программа перевода изданий, помогающая издателям переводить произведения канадских авторов на французский и английский языки и способствующая тем самым увеличению числа книг на двух языках.

Одним из приоритетов, отмеченных в «Планировании 2008-2013», стало воспитание двуязычной молодежи, что необходимо не только для обеспечения устойчивого двуязычия в стране, но и для сохранения языковых сообществ, находящихся в ситуации меньшинства, поддержание и развитие которых пропагандируется властями.

В *образовательной сфере* продолжается реализация программ по изучению языка миноритарного сообщества, изучению второго официального языка. Правительство поддерживает местные средства массовой информации, вещающие на языке миноритарного сообщества, осознавая необходимость интеграции полученных аудиторных знаний в различные виды повседневной деятельности, включая культурную и спортивную.

Учитывая недостаток дипломированных специалистов в сфере языковой индустрии, запускается новая программа по выделению дополнительных стипендий студентам, выбравшим профессию устного и письменного переводчика.

В *сфере услуг* направления, определенные в «Плане 2003-2008» (здравоохранение, судебная система, семья и детство, иммиграционная сфера), дополнены ориентацией на развитие двуязычия в культуре и искусстве.

В *здравоохранении* власти увеличивают инвестиции в подготовку и совершенствование профессиональных навыков специалистов, осуществляющих деятельность на языке миноритарного сообщества данного региона.

Совершенствование языковой компетенции предусмотрено также для участников *судебной системы*: судебных секретарей, стенографов, мировых судей. Власти намерены привлекать для работы в данной сфере молодых двуязычных канадцев.

В *иммиграционной сфере* приоритетным по-прежнему остается привлечение франкоязычных иммигрантов.

В *экономическом отношении* власти предполагают извлечь выгоду из ситуации двуязычия. В условиях глобализации современного рынка труда двуязычие является ключевым коммерческим преимуществом, способствующим экономическому развитию страны. Владение двумя языками международного уровня открывает предприятиям доступ к соответствующим рынкам и партнерам.

В соответствии с Планированием Министерство канадского наследия будет координировать работу федеральных институтов, принимать отчеты об их работе. Правительство намерено пересмотреть механизм горизонтального взаимодействия между федеральными институтами, с целью повышения эффективности их деятельности в направлении реализации задач, обозначенных в Планировании. Особое внимание уделяется взаимодействию с правительствами провинций и территорий. Привилегированное положение здесь занимают Квебек как колыбель франкофонного сообщества и Нью-Брунсуик как единственная официально двуязычная провинция.

Обзор новейшей языковой политики Канады на основании официальных документов, определяющих ее содержание, позволяет выделить следующие характеристики данного явления:

1. Двужычие рассматривается не только как исторический элемент национального наследия, но и как необходимое условие для развития страны в международных масштабах. Языковая политика, таким образом, приобретает особое значение, являясь залогом будущих успехов страны на мировой арене.
2. Новейшая языковая политика охватывает следующие основные направления: развитие двуязычия в образовании, в сфере государственной службы, разнообразная помощь миноритарным языковым сообществам, обеспечение двуязычия в сфере услуг, включая культуру и искусство. Кроме того, в качестве вспомогательного направления можно выделить развитие индустрии языка.
3. Новейшая языковая политика характеризуется изучением современной ситуации в отдельных сферах функционирования языка и выработкой конкретных мер по решению выявленных проблем.
4. Новейшая политика правительства Канады в отношении официальных языков носит планомерный и последовательный характер.
5. Помимо финансирования, сложилось представление о важности слаженной работы федеральных институтов как обязательного условия успешной реализации поставленных задач.
6. Государственное финансирование языковой политики растет, что отражает понимание властями значимости ее проведения для развития страны.
7. На современном этапе правительство корректирует языковую ситуацию путем привлечения как внутренних, так и внешних ресурсов. Внешние ресурсы включают использование иммиграционной политики с целью изменения соотношения франкоязычного и англоязычного населения в стране, а также меры по выводу канадской индустрии языка на мировой рынок.

Литература

- Bowen S.* Barrières linguistique dans l'accès aux soins de santé, étude préparée pour Santé Canada. 2001. 141 p. (Электронный ресурс). URL: http://www.hc-sc.gc.ca/hcs-sss/alt_formats/hpb-dgps/pdf/pubs/2001-lang-acces/2001-lang-acces-fra.pdf (дата обращения: 24.07.2010).
- Dumas G.* La politique linguistique québécoise // *Revue québécoise du droit international*. 1999. V.12. № 1. P. 65–78.
- Feuille de route pour la dualité linguistique canadienne 2008-2013* // (сайт) Patrimoine canadien. URL: <http://www.pch.gc.ca/pgm/slo-ols/pubs/08-13-LDL/index-fra.cfm> (дата обращения: 12.08.2010).
- Plan d'action pour les langues officielles* // (сайт) Bibliothèque et Archives Canada. URL: http://epe.lac-bac.gc.ca/100/205/301/pco-bcp/website/06-1010/www.pco-bcp.gc.ca/olo/default.asp@language=f&page=action&doc=cover_f.htm (дата обращения: 12.08.2010).
- Rapport annuel. Edition spéciale 35e anniversaire 1969-2004* // (сайт) Commissariat aux langues officielles. 2004, Vol. 1. 131 p. URL: http://www.officiallanguages.gc.ca/docs/f/2004_05_f.pdf (дата обращения: 13.02.2010).

СОДЕРЖАНИЕ

О.П. АЛЕКСЕЕВА. ПОЛИСЕМИЯ ГЛАГОЛА КАК МЕХАНИЗМ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ В КОНТЕКСТЕ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА.....	1
Н.М. БИЧУРИНА. ОКСИТАНСКИЙ И АРПИТАНСКИЙ ИЛИ ПРОВАНСАЛЬСКИЙ И САВОЙСКИЙ? АНАЛИЗ ДИСКУРСА О РОМАНСКИХ «РЕГИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКАХ»	5
Т.С. БОГОМОЛОВА. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЕРБОЛУЖИЦКИХ ЯЗЫКОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ В КОНТЕКСТЕ ЭТНИЧЕСКОЙ АКТИВИЗАЦИИ.....	9
В.И. БЫКАНОВА. ДИНАМИКА ПРОСТРАНСТВЕННЫХ КОНЦЕПТОВ АНГЛОСАКСОВ	15
Е.Н. ВАСИЛЕНКО. ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА ЕЖЕГОДНОГО ПОСЛАНИЯ ПРЕЗИДЕНТА ПАРЛАМЕНТУ (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА).....	19
О.А. ВОЛОШИНА. ТЕРМИНОЛОГИЯ ГРАММАТИКИ ПАНИНИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДРЕВНЕИНДИЙСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ.....	21
А.А. ГОРБОВ. «ПРЕСТИЖ» ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ 1990-Х – 2000-Х ГГ.: РЕАЛЬНЫЙ ФАКТОР ИНТЕНСИФИКАЦИИ ПРОЦЕССОВ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЛИ ПРОБЛЕМА ТОЛКОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЙ ИНОЯЗЫЧНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ?*	26
М.В. ЗЕЛИКОВ. МЕДИАЛЬНО-КАУЗАТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИБЕРО-РОМАНСКИХ МОДЕЛЕЙ С SE КАК КОМПОНЕНТ БАЗОВОЙ ЗАЛОГОВОЙ ДИХОТОМИИ АКТИВ–МЕДИЙ	33
М.В. ЗЕЛИКОВ. ЭМОЦИИ И ЧУВСТВА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ	38
А.Н. ИСАНИНА. В.И. ЛЕНИН, А.А. БОГДАНОВ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК: МАРКСИСТЫ О ПРОБЛЕМЕ ЗНАЧЕНИЯ.....	42
Е.Н. КУРАЛЕСИНА. НОВЕЙШИЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ КАНАДЫ	47

МАТЕРИАЛЫ

XXXX международной филологической конференции

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

14 - 19 марта 2011 г.
Санкт-Петербург

Научное издание

Оригинал-макет подготовлен Н.А. Осьминкиной

Лицензия ЛПН № 000156 от 27.04.99.

Объем 4,03 авт. л. Тираж 50 экз. Заказ №867
Филологический факультет СПбГУ.
199034, С.-Петербург, Университетская наб., 11.

ОНУТ Филологического факультета СПбГУ.
199034, С.-Петербург, Университетская наб., 11.